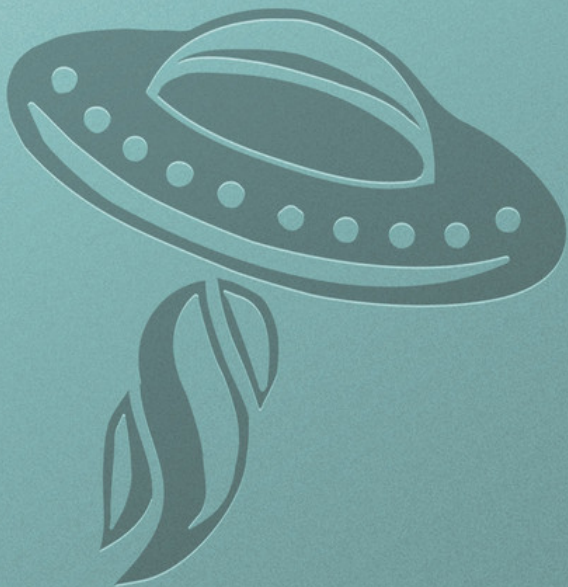

Владислав Выставной

Кандидат в маги

Владислав Валерьевич Выставной
Кандидат в маги
Серия «Волшебный
полигон Москва», книга 3

предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165417

Аннотация

Заключительная книга трилогии (предположительно) о
волшебной Игре на ВОЛШЕБНОМ ПОЛИГОНЕ МОСКВА

Содержание

ПРОЛОГ	4
Часть первая. ЛЮК НА ТОТ СВЕТ ИЛИ ВРЕМЯ ИГРАТЬ ПО ПРАВИЛАМ	10
1	10
2	25
3	40
4	51
5	64
6	78
7	88
8	103
9	112
10	125
Часть вторая. У БУДУЩЕГО ДЛИННЫЕ РУКИ	135
1	135
2	150
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Владислав Выставной

Кандидат в маги

Мы выбираем, нас выбирают...
Почти уже народная песня

Сумеречное состояние – вид помрачения сознания (от нескольких минут до многих часов), характеризующийся внезапным началом и окончанием, нарушением ориентировки в окружающем, отрешенностью больного, поведением, обусловленным аффектом страха, злобы, галлюцинациями, бредом.

Из медицинского справочника

Все герои данного произведения являются вымышленными, а кто думает иначе – будет незамедлительно отправлен в палату к тем, кого он считает настоящими. И конец.

Андрей Алексеевич, участковый психиатр

ПРОЛОГ

Сегодня Саша Шум не стал пить таблетки.

Конечно, таблетки – это здорово. Выпил – и тут же отправился в мир туманных и удивительных образов! А иногда такое увидел, что за целый день не перескажешь. Хорошая

штука – эти таблетки!

Только вот утром, когда в палату принесли макароны и сладкий чай, а Саша ложкой, прикованной цепочкой к столу, принялся задумчиво ковырять тарелку, знакомый голос в голове строго сказал:

– Саша, сегодня не пей таблетки!

– Это еще почему? – спросил Саша, и стоявшие неподалеку санитары несколько напряглись.

– Потому что сегодня особенный день, – важно сказал Шум – это был его голос. – Тебе просили передать, что пора!

– Пора – что? – не понял Саша.

Санитары же все прекрасно поняли: они знали, что когда Саша начинает общаться с Шумом у себя в голове – жди всяческой суеты. А потому они на всякий случай подошли поближе, все так же равнодушно глядя на сидящего больного сверху.

– Пора отсюда сваливать! – заговорищки проговорил Шум. – Это ОТТУДА передали!

– ОТТУДА? – взволнованно переспросил Саша и ткнул пальцем вверх.

Санитары, как по команде, машинально уставились вверх.

– Ага! – сказал Шум и тут же принял управление Сашиным телом в свои руки.

Шум умел пользоваться ситуацией. Он вообще был куда хитрее и ловчее Саши. А потому моментально среагировал

на допущенную санитарями оплошность: не стоило, ох не стоило им отвлекаться от Саши и вот так, по-дурацки, в потолок пялиться!

Саша Шум схватил тарелку с макаронами и, вскочив на ноги, наградил ею по голове первого санитаря. Пока тот недоуменно хлопал глазами, а по лицу его ленивыми выползнями расползались макароны, второй получил весьма болезненный хлопок ладонями по ушам и на время потерялся для окружающего мира.

Саша выхватил из-за пазухи припрятанный для такого случая водяной пистолет и, размахивая оружием, бросился к легкомысленно распахнутой двери в палату.

– Вперед, навстречу приключениям! – лихо крикнул в голове вконец распоясавшийся Шум.

Аэрозольный баллончик с яркой красной краской приятно охлаждал руку. словно рукоятка пистолета.

Тема никогда не держал в руках настоящего пистолета, но примерно так и представлял себе это ощущение. Тем более, что сила, вырывающаяся из распылителя этого баллончика была, пожалуй, помощнее пистолетной пули.

Дело, конечно, было не в краске. Что – краска? Она просто оставляет за собой широкий красный след и практически не смывается с шершавого кирпича. Нет, дело вовсе не в ней.

Дело в тех буквах, которые, складываясь в слова, доносят до прочитавшего их свой особый тайный смысл. Да и, если

вдуматься, дело даже не в этих наскальных письменах.

Все дело в том, кто их пишет.

Если какой-нибудь хулиган напишет на стене неприличное слово – от этого никому не станет ни тепло, ни холодно. Разве что огорчится какой-нибудь ценитель чистоты, порядка и культуры речи.

Если баллончик попадет в руки опытному любителю граффити, то на стене может неожиданно возникнуть какое-нибудь забавное произведение уличного искусства. Одним оно понравится, другим – нет, но уж точно, потешит самолюбие автора.

Если некий озорник украсит стену надписью, вроде «Миша + Маша = любовь», то этим, наверное, изрядно позлит неведомого Мишу и вгонит в краску ту самую Машу. А, может, все произойдет, как раз, наоборот.

Только вот, если баллончик попадет в руки мальчишке по имени Тема, тринадцати лет от роду, безвылазному обитателю таинственных каменных лабиринтов Волшебного города Москва, все может сложиться далеко не так просто.

И что интересно: Тема прекрасно понимал, какая сила находится сейчас в его руках.

И ему было страшно.

Хорошему человеку всегда страшно совершать поступки, от которых зависят судьбы людей. А когда этих судеб миллионы? А тебе так мало лет, и даже представить себе, что такое миллион, очень трудно!

Только вот, совершить такой поступок все равно было надо. Просто он знал, что пришло, наконец, его время.

Время придумывать Правила.

Только вот, странное дело: Тема даже не подозревал, что именно выходит из-под его руки! Слова, написанные им аэрозольной краской означали совсем другое.

Так думал Тема. Потому что было бы странно писать Правила магической Игры вот так, краской из баллончика на стене заброшенного завода. Кто и когда сможет прочесть их?

Эти были просто слова, слова выплеснутые в порыве какого-то детского протеста. А многие ли в юности придают значение словам?

Но слова возникали – холодные, осмысленные, четкие. Им было все равно, какой смысл в них закладывал этот мальчишка. Смысл был в самих словах

Потому что любые слова, написанные Магистром Правил неожиданно сами могут стать Правилами.

И Правила, сочиняемые ни о чем не подозревающим Темой, были особенные. Только и сама Игра, для которой Тема придумал эти самые Правила, была непростой.

Во-первых, длилась она столько же, сколько он сам жил на этом свете, и даже больше. Ровно на девять месяцев.

Во-вторых, полигоном для этой Игры стал целый город. И не простой город.

Москва.

Ну, а в третьих, была эта Игра волшебной. И никто так до сих пор и не понял – злые или добрые чудеса берут верх в этой странной Игре.

И в этом вопросе следовало, наконец, поставить точку.

Часть первая. ЛЮК НА ТОТ СВЕТ ИЛИ ВРЕМЯ ИГРАТЬ ПО ПРАВИЛАМ

1

Эхо здесь было какое-то неправильное: звуки шагов отражались и разбегались по стенам тоннеля, словно обработанные специальными звуковыми эффектами, как голос в каком-нибудь хитроумном «караоке».

– Не люблю я все эти мрачные подземелья, – зябко поежился Богдан. – В них у меня все время какие-то проблемы с энергетикой происходят...

– Вся энергетика в штаны норовит просочиться? – Эрик насмешливо стукнул своею каской о каску Богдана.

– Но-но! Я бы попросил! – насупился Богадан, поправляя прикрепленный к каске фонарик. – Просто подавляет меня замкнутое пространство...

– Это нормально, – сказала Криста, осматриваясь, и луч от фонарика на ее каске скользнул по искрящейся поверхности бетона. – Тем более, что места, где хозяйничают гномы, просто напичканы магической породой. Не зря же они добывают все эти камни. Думаю, это как раз минералы так и

действуют на неокрепшие организмы магов-любителей...

— Вот ты зачем сейчас сказала про гномов? — упавшим голосом произнес Богдан.

Любители шли по заброшенной ветке метро, ориентируясь по карте, которую удалось с огромным трудом раздобыть на знаменитом кочующем рынке Черкизовской Орды, на котором, как известно, можно купить все. Ну, или почти все.

Правда, куда больше, чем на эту сомнительную карту, любители полагались на собственные же магические навыки. Хотя и были эти навыки любительскими, однако же, иногда помогали.

Конечно, любители могли запросто обратиться за помощью к своим друзьям-гномам, но...

Но вся трудность предприятия как раз и заключалась в щекотливости сложившейся ситуации, когда, к своей же собственной неловкости, друзьям пришлось во владения союзников проникать тайком. Гномам, при всем их замечательном расположении к любителям и всей положительно-светлой братии Волшебной Москвы, не стоило знать об этом визите Эрика, Кристи и Богдана.

По большому счету, знать об этом не стоило вообще никому. Кроме, разумеется, Арбитра, не к ночи будет помянуто его настоящее имя. Ведь Арбитру известно все, что происходит в пределах Волшебной Москвы. Можно себе представить, как он сейчас бесится от бессилия там, на верхушке своей наблюдательной Останкинской башни...

– Смотрите, что это? – Эрик указал пальцем в полумрак тоннеля.

Любители осторожно двинулись вперед.

– Сдается, что нам повезло, – с надеждой в голосе произнес Богдан. – Это же дрезина! Хех! На ней можно просто проехать большую часть пути, причем, с комфортом...

– А ты умеешь обращаться с дрезиной? – скептически поинтересовалась Криста.

– А что там уметь! – легкомысленно воскликнул Богдан, первым подходя к небольшой тележке, стоящей на ржавых рельсах. – Дергай себе за рычаг, да катись вперед!

– Действительно, все элементарно! – раздался хриплый, какой-то даже замогильный голос.

Эрик вздрогнул от неожиданности. Криста негромко вскрикнула. Богдан же заорал от ужаса, как полоумный и отпрянул назад, упершись спиной во влажную бетонную стенку.

– С такими нервишками под землю, все-таки лезть не стоит, – прохрипел все тот же голос.

И любители узрели в скудном свете фонариков того, кто незаметно притаился на этой самой дрезине.

Хотя вряд ли в данном случае было уместно слово «притаился».

Тот, кто, скрючившись, сидел на деревянной скамье у рычага старого ящика на железных колесах, был просто-напросто прикован к ней массивными цепями, шедшими от брас-

летов, охвативших руки и ноги этого хриплого. Сам прикованный выглядел довольно дико: был он в дорогом явно костюме, изрядно, однако потрепанном, лицо имел небритое, но увенчанное очками в изящной золотой оправе.

– Кто вы? – спросила Криста.

Она быстро успокоилась: первый испуг прошел, а видеть в Волшебной Москве приходилось и не такое.

– Не признаете? – горько усмехнулся прикованный. – А раньше все стремились ко мне в друзья пристроиться. Всем я был нужен, всем полезен. Ну, а теперь, вот, и позабыли, наконец...

– А... – осторожно проговорил Богдан. – Я же вас по телевизору видел. Вы – олигархом вроде как у нас были...

– Олигарх? – удивилась Криста.

Эдик только хмыкнул на это утверждение, да головой покачал.

Прикованный скривился, как от зубной боли.

– Ну, почему, сразу – олигарх? – проговорил он обиженно. – Что это за манера такая – ярлыки ко всем приклеивать!

– Однако же вы здесь, прикованы к дрезине, и судя по всему – неспроста, – заметил Эрик. – Да, я вспомнил. Точно – вы олигарх, и зовут вас...

– Не надо! Олигарх и олигарх. Это все Игра, – тоскливо сказал «олигарх». – За все ошибки лихой юности назначила она мне эти проклятые галеры...

– Ну, это еще не самое страшное, – заверила Криста.

– Сам знаю, посмотрелся! – буркнул олигарх. – Ладно, хватит болтать. Куда едем?

– Ух, ты! – обрадовался Богдан. – Так нам еще и не придется самим дрезину толкать!

Прикованный хмуро посмотрел на Богдана, который тут же прикусил язык, поняв, что ляпнул бестактность.

– А мы как раз и собираемся побыстрее закончить Игру, – сказала Криста, с жалостью глядя на звякающего цепями раба дрезины. – Чтобы все люди снова стали людьми, а не носителями розданных Игрой личинам...

– Правда? – с тоской и надеждой в голосе спросил олигарх. – Тогда я готов вас хоть на край света везти! Лишь бы вы, наконец, избавили меня от этого проклятья...

Дрезина грохотала стыками рельсов и скрипела своим нехитрым приводом от прикованной к ней рабской силы. Бывший олигарх и вправду был теперь больше всего похож на какого-нибудь гребца с древней галеры. Только костюм, да начищенные до блеска ботинки придавали его облику изрядную долю экстравагантности.

Впереди экипажа несло все то же странное эхо, искажающее звуки и крайне угнетающе действующее на Богдана.

– И когда только закончится этот тоннель... – тоскливо проговорил Богдан.

– Закончится этот – начнется следующий, – сказала Криста. – Или ты забыл?

– Я помню, – сказал Богдан. – И все-таки...

Эрик некоторое время наблюдал за работой «гребца» их железной галеры и, наконец, спросил:

– Вам не слишком тяжело? Может, помочь вам?

– Бесполезно, – усмехнулся олигарх. – Это все равно, что помогать ходить. Так уж устроена моя личина, что толкать дрезину для меня – это нормальное состояние. Так что я устал не больше вашего. Вот если бы вы поговорили со мной о чем-нибудь – был бы вам очень признателен. Не часто, знаете ли, доводится мне беседовать с нормальными людьми...

– А с кем приходится? – поинтересовался Эрик.

– Хм... – щека у олигарха нервно дернулась, и он даже сильнее налег на качающийся рычаг дрезины. – Да всякие, знаете ли, пассажиры бывают. Хорошо, если гномы. С ними, правда, особо не разговоришься – у них вечно свои дела, да производственные проблемы. А часто лезут в метро всякие охотники за легкой наживой. Будто не понимают, что ничего хорошего здесь не найдут, кроме приключений на собственную... Ну вы в курсе. Ну, эти бывают очень разговорчивые. Некоторые даже узнают меня. И в этом случае такого можно в свой адрес послушаться...

Олигарх вздохнул.

– А однажды пришел сюда один мой старый знакомый. Когда-то по молодости, да по глупости решили мы с коллегами устранить его... гм... от дел...

– Убить, то есть, – уточнил Богдан.

– Ну... да, – неохотно согласился прикованный. – Не я, конечно, все решал, не я киллера нанимал, но ведь и против тоже не выступил. Так вот, пришел этот старый знакомый, сел вот сюда, напротив, и говорит: «Это ты меня убил, я знаю. А теперь, говорит, вези-ка меня прямо в ад...» Пришлось везти...

– Стоп, – похолодев, проговорил Богдан. – Кто сказал – убитый?!

– Ну, да! – пожал плечами олигарх. – Видимо, пришел мне на совесть давить...

– И вы его в ад повезли, – кивнул Эрик. – Славно. И как там, в аду?

– Это все минералы, – неуверенно вставила Криста, косясь на рассказчика. – Порода здесь такая, на психику действует...

– В аду, как раз, довольно неплохо, – спокойно сказал олигарх. – Только тесно очень...

За этими странными разговорами прошла большая часть пути. Наконец, дрезина выехала к стрелке.

Это была очень странная стрелка. Дело в том, что она разделяла рельсовый путь не на два, а на три направления.

При этом центральный путь вел прямехонько в бетонную стенку.

Высоко над головами же, словно какой-то уродливый сталактит, торчал из потолка булыжник со светящейся, как вокзальное табло, надписью:

**НАПРАВО ПОЕДЕШЬ –
МЕТРО КОПАТЬ БУДЕШЬ.**

**НАЛЕВО ПОЕДЕШЬ – ВСТРЕЧНЫЙ
ПОЕЗД ПОВСТРЕЧАЕШЬ**

ПРЯМО НЕЛЬЗЯ. НЕ ВИДИШЬ – СТЕНКА?

– Ну, копать метро у меня нет никакого желания, – заявил Богдан. – Я, конечно, ужасно уважаю Бригадира, но гномовская работа не для меня. Да и встречаться с его славными ребятами сейчас просто недосуг.

– Ехать по встречному пути – это тоже довольно экстремально, – заметил Эрик. – С детства не любил кричать «У-у-у!» в железнодорожные тоннели...

– Тогда остается только прямо, – прищурилась Криста. – Милейший... Как вас вообще называть правильно?

– Называйте уж Олигархом, раз вам это нравится, – отозвался раб дрезины. – Мне все равно...

– Скажите, любезный Олигарх, мы сможем... э-э-э... Проехать сквозь эту стену? – поинтересовалась Криста. – Не зря ведь сюда путь ведет?

– Ну, а это уже не от меня зависит, – сказал Олигарх и попытался развести руками.

Только цепи не дали этого сделать, коротко и угрожающе звякнув. Олигарх сторбился и покорно склонился над рычагом.

– Все дело только в том, что вы сами видите за этой стеной, – тихо сказал он.

– Я знаю, что там должно быть, за этой стеной, – решительно сказала Криста. – Мы ведь все знаем, верно, любители?

– Ага, – сказал Богдан, – Мы все предполагаем. Почти наверняка. Там что-то должно быть.

– У кого будут хоть малейшие сомнения, сквозь стенку не пройдет, – предупредил Олигарх. – Так что определяйтесь сразу...

– Пойду стрелку переведу, – сказал Эрик, спрыгивая с дрезины. – Эк! Готово!

Олигарх оглядел пассажиров, вздохнул. И налег на рычаг. Эрик запрыгнул в дрезину уже на ходу. Стенка приближалась все быстрее.

– Ну, вот, – сказал Богдан. – Сейчас нас размажет...

– Взялись за руки! – крикнула Криста и схватила друзей за ладони. – Заклятье стен!

Друзья зажмурились и быстро забормотали заклатье.

А через секунду раздался грохот и визг металла. Дрезина треснулась о стену, соскочила с рельсов и замерла.

Любители исчезли.

Раб дрезины некоторое время сидел неподвижно. Затем слегка привстал, просунул ноги сквозь дырявый пол и без особых усилий приподнял дрезину, словно огромную уродливую юбку на самом себе. Дрезина, глухо стукнув колесами, снова встала на рельсы.

– И кого только ни приходится возить, – проворчал себе под нос Олигарх и звякнул цепями.

Злорадное эхо лишь расхохоталось в ответ звоном веселых колокольчиков

Тихону Сидоровичу нравилось быть гномом. Причем, едва только таинственная Игра наделила его личиной низкорослого подземного жителя с характерной старческой физиономией, он понял, что за всю свою долгую суетливую жизнь именно в этой личине он впервые почувствовал себя, как говорится, «в своей тарелке».

Это оказалось очень удобным – быть маленьким, ворчливым, незаметным, трудолюбивым и исполнительным. Не очень привлекательная внешность не сильно огорчала Тихона Сидоровича: он и в «прошлой» жизни не слыл красавцем и дамским угодником, а теперь эта уродливая внешность хотя бы становилась оправданной.

Быть гномом было уютно. Не раздражало это наполненное шумом и сквозняками небо над головой, людишки с их дурацкими, высосанными из пальца проблемами. У гнома все

просто: Бригадир или прораб сказал – гном сделал. Четко и красиво. И дело само спорится, потому как гном – это существо специально созданное для дела, а не для философских рассуждений.

Обо всем этом благостно размышлял гном Тихон, скучая на посту у засекреченного объекта номер 999. Ему, гному второго разряда, не полагалось знать тонкости и обстоятельства поставленной задачи. От него требовалось только стоять с берданкой на посту в этом заброшенном тоннеле, а в случае чего лишь дернуть за рубильник тревожного телеграфа.

Гномы – народ не любопытный. А оттого, Тихон понятия не имел, что за объект под номером 999 прячется за грудой наваленных до сводчатого потолка деревянных ящиков.

Он просто сидел на одном из таких ящичков, а досками от другого поддерживал небольшой костер. На костре, в котелке булькал суп собственного, Тихона, рецепта. Его гоном помешивал большой, темной от окислов серебряной ложкой. Время от времени Тихон позволял себе плеснуть в железную чашку немного рому из большой граненой бутылки. Тогда борода его задиралась к своду, чашка опрокидывалась, и после на темно-бардовом лице появлялось выражение умиротворенности и покоя. Ром действует на гномов совсем не так, как на людей. Он их больше бодрит, чем пьянит, а потому является напитком, рекомендованным Бригадиром к употреблению по поводу и без повода.

В общем, все было хорошо у Тихона, пока, откуда ни возъ-

мись, не появились в этом тщательно замаскированном, глубоко запрятанном тоннеле, трое посторонних. Гном даже не сразу сообразил, что происходит что-то выходящее из ряда вон: слишком уж он привык к своей размеренной службе. И когда он вдруг понял, что незваные гости были и не гномами вовсе, было уже слишком поздно: сторож Тихон не мог пошевелить ни рукой, ни ногой!

– Отлично сработано, Криста! – воскликнул один из пришельцев.

И из темноты на свет костра вынырнуло трое любителей.

– Надо же – заклятье Онемения у тебя вышло с первого раза! – сказал Богдан, вроде бы даже, с некоторой завистью. – Эдак, глядишь, мы из разряда магов-любителей перейдем в маги-профессионалы!

– Размечтался! – хмыкнул Эрик. – Ты, что ли, Правил не читал? Не знаешь, как теперь можно стать Магом?

– Знаю, – с некоторой тоской в голосе произнес Богдан. – Путем всеобщего тайного голосования всех жителей Волшебной Москвы. Начитался наш юный Магистр умных книжек, а нам расхлебывай его фантазии.

– Тема очень даже хорошо это придумал, – возразила Криста, проходя мимо замершего в смешном полуприсяде гнома-охранника. – К тому же, не нам обсуждать его решение. Он Магистр Правил, а не мы.

– Это и так понятно, – кисло сказал Богдан. – А нам по его милости теперь переться в эту мрачную преисподнюю...

– Не болтай! – сказал Эрик, кивнув на неподвижного гнома. – Не то свидетелей убирать придется...

Тихону, против воли замершему в крайне неудобной позе, стало крайне тоскливо. Казалось бы, он спрятался от всех земным проблем глубже некуда! Но и здесь, в самом глубоком московском подземелье, его умудрились разыскать неприятности! Что же это происходит, братцы, а? Может, это такая карма? Наказание, ниспосланное Игрой?

Хотя... Чего паниковать раньше времени? Может, и обойдется...

– Так это точно здесь? – с сомнением произнес Богдан, оглядывая грудку поломанных ящиков, перегородивших подземный ход.

– А вот это мы сейчас выясним, – недобрым голосом произнес Эрик. – А ну, давайте-ка, в сторону...

– Ты чего это задумал? – опасливо произнес Богдан. – Неужто снова – Аннигиляцию?

– Ага, ее, родимую, – отозвался Эрик, сосредотачиваясь.

Криста и Богдан попятились: по их одежде и рукам заструились электрические разряды.

Гном Тихон с ужасом ощутил, как дыбом стали волосы под строительной каской, и как растопорщилась его густая борода – словно какой-то перевернутый павлиний хвост!

Богдан вместе с Кристой бросились на бетонный пол тоннеля: с заклятием Аннигиляции шутки плохи! Сейчас сверкнет, бахнет – и только одни разрушения вокруг!

Сверкнуло.

Однако же отнюдь не бахнуло. Только лишь мерзко зашипело, да заволокло все вокруг густым белым туманом.

Раздался хриплый кашель: это вышел из оцепенения гном Тихон. Воспользовавшись этой, как нельзя кстати, образовавшейся дымовой завесой, он бросился наутек.

– Что это? – принохиваясь, спросила Криста.

– Аннигиляция не вышла, – пожаловался Эрик.

– Да, рано нам в профессионалы подаваться! – поднимаюсь и отряхиваясь, сказал Богдан. – О, вы только посмотрите!

Груда старых досок чудесным образом превратилась в густое переплетение веток, листьев и лиан.

– Это что же такое? – удивилась Криста. – Заклятье Оживления? Так оно у тебя ж никогда не получалось!

– Это случайно, – хмуро сказал Эрик. – Тьфу, ты, столько маны зря потратил... Просто любительство какое-то. Дилетантство...

– Вот именно, – хмыкнул Богдан. – Потому-то нам и нужен настоящий Маг. Хотя бы один.

Криста тем временем продиралась сквозь новоявленное живое насаждение. Это было непросто, но вскоре из переплетения ветвей раздался ее радостный возглас:

– Да! Да! Это оно!

– Оно? – переспросил Богдан. – А что именно?

– Заклятье от Демонов Преисподней! – отозвалась Криста. – Это дверь!

Эрик и Богдан бросились к Кристе, ломая ветки, отдирая от стен цепкие лианы. И вскоре их глазам предстали таинственные письмена, выбитые на большой и плоской каменной глыбе, преграждавшей тоннель.

– Точно, дверь... – произнес Эрик, касаясь ладонью холодной и шершавой поверхности.

За плоским срезом каменной глыбы раздался низкий гул, напоминающий свирепое рычание.

– Демоны-охранники, – задумчиво проговорила Криста. – Так, кто помнит заговоры сторожевой нечисти?

– Вот еще – затычка для черта! – пробормотал Богдан. – А что, нам обязательно на ту сторону надо?...

Андрей Алексеевич, участковый психиатр, с некоторым отстраненным, почти профессиональным любопытством рассматривал двоих звероподобных санитаров, которые, потупив взор, переминались сейчас перед ним с ноги на ногу. Санитары серьезно провинились, и прекрасно это понимали. Было очень странно смотреть на этих громил, которые выглядели теперь, словно какие-нибудь нашкодившие школьники.

– Так как же это он от вас сбежал? – поинтересовался Андрей Алексеевич, ловко, по шулерски, крутя в пальцах авто ручку. – Такие опытные, крепкие ребята – а упустили совершенно хилого и слабоумного пациента. Сейчас посмотрим, что у нас там на него...

Андрей Алексеевич сдернул со стопки бумаг чахоточно-серую, помятую и потертую книжицу. «История болезни» плюхнулась на стол и беспомощно распахнула бледные страницы. Было в этом что-то отвратительное. (Андрей Алексеевич давно заметил за собой одно нехорошее качество – что он постоянно ищет в окружающих предметах их отвратительные стороны. Это был тревожный звоночек, но делиться своими подозрениями с коллегами Андрей Алексеевич не спешил: те могли неправильно истолковать его утонченную тягу к отвратительному).

Между тем, досье на каждого пациента с профессиональной, да и не только, точки зрения, представляло собой довольно увлекательное чтение. Наверное, вот так в каких-нибудь спецслужбах с интересом зачитываются компроматами на сильных мира сего. Интересно, все эти политики и олигархи, разложенные по бумажкам и папкам, предстают перед следователями в столь же отвратительном свете, как люди с точки зрения участкового психиатра?

Итак, вот он, совершенно рядовой пациент по прозвищу Саша Шум. Интересен он, разве что, своей странной манерой говорить на вдохе, а не на выдохе, как все нормальные люди. Да еще тем, что неоднократно угрожал расстрелять персонал из своего «бластера», роль которого исполнял водяной пистолет. Угрожал, однако же, совершенно беззлобно, а потому репрессивных мер по отношению к нему пока не применялось.

Было еще одно занятное обстоятельство: нашли его в свое время неподалеку от границы Локализации. Видимо, он и пришел из тех загадочных мест, откуда в последнее время частенько появляются люди с поврежденным рассудком.

– Он ведь совершенно не агрессивен, к побегам не склонен, к членовредительству – тоже. С чего это он бежать вдруг задумал? – задумчиво произнес врач, разглядывая отвратительную трещину на потолке кабинета.

– А мы почему знаем, Андрей Алексеевич? – насуплено ответил один из санитаров. – Мы и думали, что он тихий. А

тут этот тихий вдруг взял, да и тяпнул меня по башке тарелкой. Очень неожиданно было...

– Ну, тяпнул – подумаешь, какая невидаль, – усмехнулся психиатр. – Вы ж у меня не ядерной физикой занимаетесь – ничего страшного, если по башке иногда заедут, ничего ценного оттуда не вылетит. Хоть мозги немного вправят...

– А меня – ладонями по ушам, вот так! – второй санитар неуклюже хлопнул растопыренными ладонями. – Очень больно было, чуть перепонки не полопались!

– Мы растерялись, – подхватил первый санитар. – Прямо наваждение какое-то! Никогда еще такого не случалось...

– А то, что все двери открытыми оказались – тоже наваждение? – поинтересовался Андрей Алексеевич. – Вы у меня теперь по всему району его ловить будете. И пока не поймаете – можете не показываться здесь! Сейчас напишу докладную главному – чтоб разобрался с вами, как следует...

– Как это – по всему району? – заныл первый санитар. – Откуда мы знаем, куда его черт мог понести?

– А вот так! – нахмурился Андрей Алексеевич. – Или сразу уволить вас к чертовой бабушке?!

Он начинал сердиться. А когда он сердился, его отвращение ко всему сущему усиливалось. Сейчас, например, ему были отвратительны эти круглые санитарские рожи. Андрей Алексеевич очень переживал, как бы его раздражение неожиданно не перешло в рукоприкладство, как у его чрезвычайного буйного пациента Гаврилы по прозвищу Фарш. А

потому Андрей Алексеевич старательно прятал от себя подальше все тяжелые и колюще-режущие предметы.

– Катитесь с глаз моих долой! – прошипел врач, и авторучка в его руках громко хрустнула, переломившись пополам.

Саша задыхался от безумного темпа, который задало его непокорное тело. Так бегать ему еще не приходилось.

Все дело было в том, что тело принадлежало не одному только Саше. Помимо него жило в этом тщедушном, в общем-то, теле еще одно существо – сильное, волевое, мрачное.

Собственно, это обстоятельство не было секретом для его лечащего врача. Андрей Алексеевич был прекрасно знаком с тем темным существом – даже больше, чем сам Саша. Именно он дал ему имя – Шум. Хорошее имя для аморфного и властного монстра, то и дело крадущего часть Сашиного сознания.

Но если до этого все пребывало в рамках протекания вполне типичной шизофрении, то сегодня Шум совершил качественный скачок в своем отношении к Саше. Он просто-напросто оседлал его тело и принялся вовсю его пользоваться в своих темных интересах. Начал он с неожиданного избиения санитаров. Саша с удивлением, и даже с некоторым испугом наблюдал, как его рука схватила со стола металлическую миску и с размаху припечатала ей по голове неудачно подвернувшегося санитаря.

Воодушевленный первым успехом Саша Шум кинулся на второго санитара и бахнул его по ушам ладонями.

После этого в ушах Саши раздался строгий голос:

– А теперь давай, бегом отсюда! К выходу!

Саша подчинился. Тем более, что контроль над телом к нему уже вернулся. Однако же контроль над сознанием перешел к этому властному голосу. Саша бежал по коридорам, удивляясь, почему все двери закрытой лечебницы столь любезно распахнуты перед ним. Едва он выскочил на улицу, как Шум произнес:

– Тэк-с... Ну, а теперь давай, дуй в сторону МКАД.

И тут Саша испугался.

Его было нетрудно напугать. Обычно, испугавшись, забивался в угол и тихо рыдал. Но теперь спрятаться было негде. К тому же Саша боялся послушаться своего Шума.

– Но там... Там же... Туда же нельзя! – вслух произнес Саша.

Говорил он в своей обычной диковатой манере – на вдохе, жадно втягивая воздух, словно не хотел выпускать вылезающие изнутри слова.

– Тебе все можно! – неожиданно ласково сказал Шум. – Ты – особенный. Давай, дуй быстрее, а то санитары догонят и «люлей» вставят!

Саша прибавил ходу: санитаров он боялся. Были они какие-то грубые и совершенно бесчеловечные. А главное – совсем не понимали его, Саши, тонкую душевную организа-

цию. Свое непонимание они обычно компенсировали грубой силой. Саша давно пристрелил бы их из бластера, но был он по натуре человек добрый и считал, что право на жизнь имеют даже эти космические монстры, укрывшиеся за грязноватыми былыми халатами.

...Вскоре Саша, все-таки, выдохся. Он не привык к таким длительным перебежкам, так как с детства не дружил со спортом и даже был от физкультуры освобожден. Поэтому, выбравшись за пределы городка, он присел на обочине старой дороги – на сухой ствол какого-то поваленного дерева. Присел и с интересом огляделся: ему не часто приходилось видеть природу, особенно в последнее время, когда во взаимопониманием с окружающим миром наметились ощутимые сбои.

Этой дорогой уже давно не пользовались. На выезде из города она была преграждена массивными бетонными блоками. Здесь же полопавшийся асфальт и поваленные деревья делали ее почти непроходимой. Лишь иногда пересекал ее, двигаясь по своему, продавленному в земле пути, патрульный БТР.

Дорога эта вела в никуда.

Там, за условной границей, прозванной военными Локализаций, располагалась некогда столица страны. Но в один прекрасный момент что-то произошло – и славный древний город исчез из видимости глаз и приборов, и с тех пор пре-

вратился лишь в воспоминание.

Да еще, пожалуй – в некую «черную дыру», в которой безвозвратно исчезали многочисленные смельчаки и глупцы, отправляющиеся туда в целях удовлетворения собственного чрезмерного любопытства.

Городок, в котором обитал Саша и его лечащий врач, волею судеб находился как раз рядом с таинственной Локализацией. Оттого в городе, наверное, было так много военных и сумасшедших...

Обо всем этом Саша имел очень мутное представление. Ведь в тот день, когда возникла Локализация, в его голове появился Шум.

Хотя он слышал, будто бы все воспоминания его – ложные, а сам он как раз из Локализации-то и вышел...

Так или иначе, но с тех пор его собственный мир замкнулся, а окружающие стали смотреть на Сашу косо. И вскоре тот оказался в психиатрическом отделении. Даже верный бластер ему не помог.

– А зачем мне туда надо? – поинтересовался Саша у своего неведомого коллеги по сознанию.

– Ты – очень важная персона! – ласково сказал Шум. – Ты очень нужен ТАМ. Тебя ждут с нетерпением. И тебе предстоят великие дела!

– Ух, ты! – обрадовался Саша. – А я ведь всегда знал, что я особенный! Даже Андрею Алексеевичу говорил, что неспроста мне Генерал-Директор космофлота именной бластер вру-

чил! И Андрей Алексеевич со мной согласился, даже таблеток дал! Только вот эти монстры... Двое с Тау в маскировочных докторских халатах...

– Ага, – не стал спорить Шум. – Только вот ТАМ все совсем не так, как на Тау. Впрочем, ты все поймешь. Надо только прорваться через Локализацию...

В это время раздался отдаленный топот. Саша обернулся и чуть не упал со своего ствола на землю: к нему приближали те самые монстры в белых халатах!

– Эй, ты! – крикнул один из монстров на ломаном человеческом языке. – Ну, куда ты убежал? Андрей Алексеевич беспокоится! Иди сюда, голубчик, он тебе таблеток передал!

Саша облизнулся: Андрей Алексеевич знал толк в таблетках. И Саша за это его очень уважал. Но он также понимал, что монстры с Тау – очень хитрые и коварные. Они хотят схватить его и вновь заключить в лабораторию для своих непонятных экспериментов...

– Уходим! – скомандовал Шум. – До Локализации уже недалеко идти осталось...

– Они сейчас нас схватят! – захныкал Саша, перелезая через бревно и косясь на санитаров.

– Не схватят, – пообещал Шум. – Сейчас сюда патруль подъедет...

Только он это сказал, как раздался треск веток, и из-за крутой обочины, весь в клубах дыма, с ревом разъяренного зверя выпрыгнул на дорогу бронетранспортер с белыми бук-

вами UN на борту. На броне сидело с пяток вооруженных до зубов солдат. Не вдаваясь в длительные предисловия, солдаты открыли огонь – по Саше и по санитарам.

Это было, в общем-то, вполне объяснимо. Локализация самим своим существованием внушала ужас и ненависть солдатам, вынужденным охранять от нее столь же напуганное человечество.

То, что вылезало иногда «с той стороны», из-за призрачного барьера Локализации, было настолько не поддающимся обывательскому пониманию, что вызывало у военных лишь одну естественную реакцию: нажать на курок. А потому, по негласному правилу патрульных, все, что двигалось, копошилось и вообще возникало в пределах патрульного маршрута, подлежало немедленному уничтожению.

Возможно, это было не вполне законно. Только вот жалоб на военных пока не поступало. Или же эти жалобы просто не доходили до туда, где про них могло бы стать известно.

Все это прекрасно понимали санитары. А потому, когда над головой засвистели пули, они вдруг с ужасом поняли, что слишком увлеклись погоней за этим проклятым психом и забрались за пределы запретной линии.

Псих, между тем, бросился в лес, неожиданно ловко петляя между деревьями. Санитарам не оставалось ничего другого, как броситься следом – на это раз не столько преследуя его, сколько присоединяясь к бегству.

БТР за спиной уже разворачивался. Его водителю, види-

мо, ужасно хотелось намотать на громадные ребристые колеса кишки этих подозрительных нарушителей.

К стрекоту автоматов добавился низкий гул спаренной с пулеметом скорострельной пушки: БТР открыл огонь с башни. На беглецов дождем посыпались ветки, кругом, словно на безумной лесосеке, принялись падать и ломаться стволы небольших деревьев.

Словно на десерт этого пиршества огня, один из солдат взял в руки темно-зеленый тубус, вроде тех, в которых инженеры таскают свои чертежи и графики. Однако же, вместо чертежей из тубуса вырвался клуб дыма в сопровождении громкого хлопка, и тут же лесная опушка исчезла из вида, превратившись в месиво из дыма и пламени.

Солдаты, как зачарованные, с детским любопытством разглядывали результат своей шалости. БТР остановился. Дальше ему не было пути: где-то здесь начиналась та самая Локализация...

Саша Шум с удивлением наблюдал, как его обволакивает жирное, перемешенное с черным дымом пламя. Как летят в его сторону обломки деревьев – и отскакивают, словно перед лицом возникла какая-то невидимая преграда.

– Ух, ты! – сказал себе Саша. – Силовое поле! Неужто, сам Генерал-Директор на выручку подоспел? А где его галактолет, интересно?

Сказал он все это совершенно нормальным голосом –

словно перенесенные стрессы чудесным образом повлияли на его манеру речи. Надо сказать, что и в голове бывшего пациента участкового психиатра появились давно забытые легкость и ясность. Даже Шум несколько приутих и смущенно замолчал.

В рассеивающейся дымке проявился злосчастный БТР. Его пассажирам было интересно посмотреть на результаты своей работы.

Саша Шум нахмурился. И достал из кармана водяной пистолет.

– Ну, берегитесь, подлые пришельцы, – недобро произнес он, неловко прицеливаясь. – Я долго терпел, но сейчас вы у меня получите из моего верного бластера...

И нажал на пластмассовый спусковой крючок.

От черного ствола игрушечного пистолета к БТРу протянулась жирная струя пламени – словно из огнемета огромной мощности. БРТ обволокло пламенем и из него в разные стороны посыпались люди. Еще секунда – и грохнул боезапас. Башня описала в воздухе красивую дугу и шлепнулась где-то в зарослях.

Саша сурово посмотрел на результаты своей стрельбы и небрежно сдул дымок с оплавившегося пластмассового ствола.

У ног Саши, ползали оглушенные стрельбой и взрывами санитары. Им повезло: они также спаслись под чудесной защитой, что уберегла их подопечного. Они еще не успели со-

образить, что данное чудесное обстоятельство может быть объяснено вполне рационально, только уже больно неприятно: они оказались по другую сторону незримой границы.

Внутри Локализации.

– Чего это вы на земле валяетесь? – поинтересовался у санитаров Саша Шум. – Вставайте, а то простудитесь чего доброго...

Санитары повиновались. И сами удивились этому внезапному желанию повиноваться тому, кого, по идее, должны были скрутить и тихо отдубасить по бокам – так, чтобы не осталось следов на теле, но в памяти больного четко закрепилось: негоже санитаров тарелками по головам бить, да на их уши покушаться!

Однако же весь их пыл к расправе был разметен плотным автоматнo-пулеметным огнем. И теперь поднялись на ноги и неуверенно замерли в стороне от небезопасного Саши Шума.

– И чего теперь делать? – рассуждал вслух Саша Шум. – В больницу я совсем не хочу возвращаться. Да, кажется, это и не получится... Где это мы вообще?

Нетривиальность Сашиного сознания теперь получила новую форму: все свои мысли он выражал вслух. Это было, наверное, необычно, но самого Сашу совершенно не раздражало.

– А мы, похоже, вляпались, – сказал один из санитаров. – Мы в самую Локализацию влезли...

– Тебя я буду звать Чип, – неожиданно сказал Саша, ткнув в санитара пальцем.

– И теперь нам нет обратной дороги, – всхлипнул второй санитар. – Отсюда, говорят, еще никто не возвращался...

– А тебя – Дейл, – добавил Саша.

– Как скажете, – хором сказали санитары и удивлено посмотрели друг на друга.

Удивляться было чему: они вдруг стали похожи, как близнецы-братья. При этом гориллообразности в их внешности заметно прибавилось. Зато закатанные по локоть халаты неожиданно засверкали свежей белизной, расправились и захрустели крахмалом. Объяснить это обстоятельство не представлялось никакой возможности. Что тут скажешь – Локализация...

– Ну, а теперь, пойдём в Москву, – решительно заявил Шум.

– Как скажете! – повторили Чип и Дейл.

– Что, вы его тоже слышите? – полюбопытствовал Саша.

Санитары кивнули.

– Конечно, слышат, – сварливо произнес Шум. – Здесь все люди становятся нормальными и начинают слышать и видеть то, от чего закрыты в ТОЙ жизни. И все здесь получают по заслугам. Вам, ребята еще повезло. Кстати, хорошо смотрите.

– Спасибо! – сказал Чип.

– А вы кто? – поинтересовался Дейл.

– Я Шум, – сказал Шум. – Вам же Саша сто раз про меня говорил. А вы все «голоса, голоса, раздвоение, псих ненормальный». Скажите спасибо, что вас за это в гномов не превратили и метро копать не отправили...

– Спасибо! – вместе сказали санитары. – А кто не отправил?

– Не кто, а что! – терпеливо пояснил Шум. – Игра.

– Что за игра? – заинтересовался Саша.

Некоторое время он стоял, запрокинув голову и любуясь синим небом, и из его открытого рта сочилась по щеке струйка слез. Отвратительно, как сказал бы Андрей Алексеевич. Наконец, это занятие надоело Саше, и он решил вернуться к реальности.

– Не игра, а Игра! – важно сказал Шум. – Но не мое это дело, про Игру вам рассказывать. Мое дело – консультировать Кандидата.

– Кого? – переспросил Саша.

– Тебя, – пояснил Шум. – А ты бери этих двоих, и отправляйся в город, к Архивариусу. Он тебе все и расскажет...

– К Архивариусу... – повторил Саша. – А эти мне зачем?

– Это твоя охрана. Телохранители, – пояснил Шум. – Без них тебе никуда. Ты теперь большая шишка.

Саша очень удивился, и где-то в глубине раздвоенной души порадовался за самого себя. И в знак того, что он – действительно важная персона, он достал из кармана и натянул на голову ярко-красный целлофановый пакет. После че-

го горделиво и несколько надменно посмотрел на замерших в ожидании санитаров.

Пусть все видят: перед ними – очень и очень серьезный человек!

И без лишних слов он потопал в сторону МКАД.

А следом вразвалочку, походкой напоминая хорошо выдрессированных обезьян, отправились санитары.

Игра переходила в свою новую стадию.

Крысы и Мясорубщики встретились на заброшенном заводе неподалеку от МКАД.

Таких покинутых заводов было много в Волшебной Москве: ведь не всякое производство могло продолжаться в условиях волшебной Игры. Во-первых, оно стало ненужным – ведь продукция не могла покинуть пределы Локализации. Ну, а во-вторых, просто стало на них некому работать. Волшебная экономика вообще не поддается простому человеческому пониманию.

Зато все эти развалины – отличное место обитания для всяческих подростковых банд. Даже Игра не смогла заглушить известной тяги подростков к соперничеству и взаимному членовредительству. Тем более, что влияние школы ослабло неимоверно: ведь столько глупых и злых учителей заслуженно получили довольно неприглядные личины, были изгнаны из школ и теперь пугали прохожих на улицах волшебного города!

...Крысы вынырнули из темных закоулков завода, оказавшись прямо посреди огромного сборочного цеха Непонятно-Чего.

Это было действительно жутковатое место: брошенное рабочими и инженерами, оно продолжало жить своей соб-

ственной жизнью, зверски потребляя энергию из городской сети, двигаясь, шумя и производя на свет какую-то непонятную продукцию самого зловещего вида. Выяснить, что именно делает Завод, бандам не удалось. Но им нравилось само место, которое, впрочем казалось слишком тесным для двух претендующих на него группировок.

И теперь предстояло выяснить: кто станет полноправным собственником этих мрачных залов и коридоров, а кто уберется отсюда навсегда.

Тема шел впереди своих верных Крыс – насупленный, злой, заранее распаливший себя перед предстоящей встречей.

Он чувствовал, что внутренне слишком мягок для настоящей уличной жизни. В этом ему было стыдно признаваться самому себе. А он потому старался усугублять в себе стороны, которые считал «сильными».

– Мы им врежем сегодня! – выкрикнул Тема и пнул валявшуюся под ногой бутылку.

Бутылка описала дугу, оборвавшуюся в шершавой кирпичной стене. Под звон разбившегося стекла множество глоток возопило:

– Врежем!

– Порвем!

– Растерзаем!

...Созданная Темой банда поначалу не была воспринята всерьез более старшими ребятами. Мальчишкам было пле-

вать на слухи о том, что Тема является каким-то там Магистром каких-то там Правил некой, никому не понятной Игры. У подростков были собственные правила, которые ни каким образом не пересекались с миром взрослых, а волшебная Игра была просто-напросто средой их обитания.

Это была своя среда, среда детей, никогда не видевших «нормального» мира – того, который был наглухо закрыт от них границей Локализации. Колдовство, мистика, чудо были для них обыденными явлениями. И в этом было их главное отличие от взрослых, помнивших еще то время, когда «все было нормальным».

Новому поколению москвичей было плевать на «тот» мир. Они считали своим только лишь этот мир, и собирались стать его полновластными хозяевами.

Вслед за Темой быстро двигались в сторону назначенного места «стрелки» его лучшие силы: Гниль, Хворь, Гарь – отпетые хулиганы и редкостные негодяи, прославившиеся в своем районе немереным вандализмом и презрением к авторитетам. Размазня, толстый и несколько медлительный – но это только внешне: Размазней его прозвали не за аморфный внешний вид и вялый характер, а за умение размазать любого противника по стенке. Химия – девчонка совершенно ядовитого характера, склонная к ярким прическам и вводящему в ступор макияжу. Ну, и прочие персонажи, которые постепенно втягивались в стаю, как Тема прозвал свою банду.

В этом и была главная идея: быть незаметными, быстрыми и многочисленными, как крысы, чтобы свести «на нет» преимущества более старших и более сильных. Сам же Тема в собственной стае быстро заработал прозвище Грызун. Это имя, может, и не очень ему нравилось, зато отвечало главной идее. А идея – превыше всего.

...Крысы высыпали в центр цеха, где уже ждали надменные и насмешливые амбалы-Мясорубщики. Крыс они все-таки не воспринимали, и весь район считали своей исключительной собственностью.

– Смотри, Рыло, наши карапузы приклепали, – пробасил один из Мясорубщиков, здоровенный, наголо бритый Шрам. – Сейчас плакать будут, чтобы их отсюда не прогоняли...

– Плакать будут, это точно, – заметил Крокодил – длинный парень с выдающейся вперед нижней челюстью, откуда, наверное, и пошло прозвище. – Потому, что сейчас кто-то получит по попе. А кто-то – по печени...

– Надо бы уже кончать с ними, – сквозь зубы процедил главарь Мясорубщиков по прозвищу Рыло. – Достали уже...

Мясорубщики выглядели пугающе: были они крепкими и по пояс голыми, выставявшими на обозрение жуткие колдовские татуировки.

Это были не просто наколки. Делали их приближенные к ведьмам лесные твари из Коломенской Чащи. Татуировки жили собственной жизнью, перемещаясь по жилистым те-

лам, оскаливаясь свирепыми мордами и угрожая когтями. Помимо эстетической, они имели вполне боевую функцию: сбивали с толку и вводили в оцепенение врага, одновременно защищая от пуль и ножа, как хороший ведьмин заговор.

Впрочем, у Крыс не было пуль и ножей. У них были крысиные зубы и когти, раздобытые у гномов, истребляющих этих подземных существ нещадно. Ведь крысы в Волшебной Москве обрели необычайную хитрость и свирепость, чем очень беспокоили тружеников метро.

Плоские желтые зубы легко цеплялись за резцы и так же легко снимались – словно были самостоятельным живым существом – паразитом. Со стороны, наверное, это выглядело омерзительно. Но в этом же заключалась часть успеха стаи.

У Темы в кармане куртки был еще один козырь, но его он держал на самый крайний случай.

Мясорубщики, коих было немало в этом шумном живом цехе, неспешно поднялись, оценивая ситуацию. Крыс было намного больше. Но все это были дохляки-малолетки, которых не стоило принимать всерьез. Однако же, стоило примерно наказать за дерзость.

Оставался последний ритуал, неизменно сопровождавший стычки враждующих группировок: обмен оскорблениями и угрозами.

– Мы пришли, чтобы дать вам последний шанс убраться с нашей территории! – запальчиво выкрикнул Тема.

Крысы дружно клацнули своими накладными резцами,

чем вызвали издевательства Мясорубщиков:

– Хе, мы еще зубы не начали вам вышибать, а вы уже вставные приготовили! – криво улыбнулся Рыло. – Только не всем они понадобятся: кого-то мы сегодня точно уроем!

Рыло не сильно преувеличивал: Мясорубщики не чурались убийств. Более того – не без помощи ведьм и лесных демонов они были приобщены к ритуалам человеческих жертвоприношений и самого обыкновенного каннибализма. Наверное, этим страшным вещам Мясорубщики были обязаны своей необычайной силой, и непобедимостью.

И именно оттого в округе нарастала тревожная атмосфера страха и неуверенности. Порядка в Волшебной Москве и без того не наблюдалось, но теперь никто не мог поручиться за собственную жизнь, и уже тем более – за жизнь собственных детей.

Это была одна из причин, по которой Тема ввязался в бесконечную уличную войну. Была и вторая. Но она касалась его и только его одного.

А теперь все существо Темы сжалось в одну точку, в одно единственное «выжить и победить!»

– Убить!!! – заорали Мясорубщики, бросаясь в толпу мелких, и слабых Крыс.

Воздух взвились железные пруты, обрезки водопроводных труб и велосипедные цепи, плотно обмотанные изолен-той – лучшее оружие для уличных драк. И в умелых руках – смертельное.

Раздался вой и визг – воздух наполнился болью и страхом. Мясорубщики быстро сминали неопытных врагов, наслаждаясь своим превосходством. Ведь они не знали о главном козыре Темы-Грызуна.

Для Крыс главное – это поведение Грызуна. Глядя на него, Крысы слепо и легко следуют за ним, теряя чувство самосохранения и страха. Проблема в том, что Грызун был просто человеком, подростком, не исполненным чрезмерным мужеством и бесстрашием. Если Грызун побежит – в бегство обратится и стая.

Но Тема уже знал, как решить эту проблему. Откатываясь по гулкому цеху назад, вместе со своей, терпящей поражение стаей, он быстро достал из кармана заготовленный козырь.

Злобного красноглазого крысеныша.

Тот извивался в руке, шевеля когтистыми лапками и норовя цапнуть длинными желтыми зубами. И Тема позволил ему сделать это.

Две густые капельки крови на запястье вскипели – это его телом завладевало страшное крысиное бешенство. Глаза вспучились огромными красными бусинами, рот оскалился желтыми резцами, из горла вырвался какой-то безумный писк – и, отбросив уже ненужного крысеныша в сторону, Тема бросился вперед, по головам своих же собратьев-Крыс, прямо на страшного главаря Мясорубщиков. По пути он яростно кусал своих соратников, заражая их колдовским бешенством.

Рыло сначала даже и не понял, что происходит: отчего это на нем вдруг бесстрашно повисло множество этих жалких дохляков. Но, увидев перед собой безумные красные глаза и рты, наполненные пеной, Рыло дрогнул. А еще через секунду его принялись грызть острые, как лезвия, крысиные зубы. И на руке, сжимающей массивный железный шар на цепочке, висел теперь совершенно неподъемный груз.

Зарывав от боли, Рыло попятился. Дрогнули и остальные Мясорубщики. Крысы почувствовали, что в битве наступит перелом. И с пронзительным визгом ринулись в наступление. Злобные татуировки Мясорубщиков растерянно тарачились на маленьких красноглазых монстров: даже их магическая сила имела предел.

Неизвестно, чем бы закончилось все это побоище, но внезапно, перекрывая высокий крысиный клич, воздух огласился новым, еще более высоким и сильным звуком.

Звуком милицейского свистка.

В один миг все замерло, как будто кто-то нажал кнопку «стоп-кадра» на невидимом пульте. И в наступившей тишине разнесся множимый эхом звук шагов – неторопливых, твердых, уверенных.

– Тэк, – произнес низкий, но чрезвычайно громкий голос. – Правопорядок нарушаем. Телесные повреждения наносим. Запрещенные сильнодействующие вещества употребляем...

Меж изломанных напряженными позами тел, в коридор

пустого пространства, незаметно разделившего противников, заложив руки за спину, неторопливо вошел огромного роста человек в сверкающей сказочным лоском милицеевской форме.

Это был Волкоп – всем известный Волшебный Милиционер, гроза преступности и темных сил на вверенной ему территории Волшебного города Москва. Единственный официально на то уполномоченный страж порядка, если не считать полосатых и крылатых гаишников – своеобразных добрых фей Волшебной Москвы.

Волкоп оглядел присутствующих тяжелым взглядом из-под надвинутого козырька лихо загнутой фуражки. И сказал: – Несовершеннолетние, значит... Хм... Наказать бы вас, как следует, да родителей жалко. Впрочем, в следующий раз не посмотрю и на возраст – всех на сто первый километр отправлю...

И Волкоп похлопал по висевшей на бедре кобуре. Их нее торчала рукоятка реализатора – особого оружия, с помощью которого Волкоп одним нажатием курка отправлял правонарушителей за пределы Волшебной Москвы. Что с теми происходило дальше, было загадкой даже для самого Волшебного Милиционера.

Впрочем, его мало волновала дальнейшая судьба правонарушителей. Его делом была охрана порядка, а не переживания по поводу загубленных душ. Он был предельно профессионален и совершенно неподкупен своего дела, и имен-

но оттого его боялись и уважали.

Вот и теперь злая и, бесстрашная, казалось, казалось, толпа хулиганов как-то сникла, потеряла боевой дух и начала расползаться. Волкоп некоторое время удовлетворенно наблюдал за отступлением двух враждующих армий. А затем поймал своим жестким взглядом Тему.

Тот все еще находился под воздействием крысиного яда. Тяжело дыша и с трудом сдерживая себя, чтобы не броситься на кого-нибудь – так, безо всяких причин – Тема ждал. Он знал, что Волкоп оказался здесь неспроста. Конечно, правопорядок правопорядком, но дело могло оказаться совсем в другом... И Тема не ошибся.

На его плечо легла тяжелая и твердая, словно отлитая из гипса, рука.

– А ты пойдешь со мной, – сказал Волкоп.

Спорить с ним было бессмысленно, да и не хотелось. Крысиное бешенство внезапно оставило Тему, уступив место опустошенности и невероятной усталости. Так всегда бывает после крысиного укуса.

Они вышли из здания цеха. Огромный двор был завален странными железными конструкциями, которые ползали с металлическим скрежетом, сталкивались и путались проводами и своими ржавыми конечностями, трещали разрядами тока и бились в бесконечной агонии. Несомненно, до начала Игры, здесь производили что-то для оборонной промышленности, и без радиации не обошлось...

Мясорубщики растворились в бескрайних заводских лабиринтах. Крысы же толпились в сторонке, молча наблюдая за тем, как уводят Грызуна.

Первый раунд битвы прошел вничью. Но это было только начало.

– Куда вы меня? – мрачно поинтересовался Тема. – К родителям? Только маме не говорите ничего... И папе...

– К Архивариусу, – коротко сказал Волкоп.

– К дяде Архи? – удивился Тема. – Но почему?

Волкоп ничего не ответил. Они как раз подошли к его огромному, сверкающему хромом мотоциклу. Волкоп взгромоздился в седло и кивнул Теме: «садись, мол, назад».

– Поехали, – сказал он, – там разберемся...

Любители молча посмотрели друг на друга. В словах не было необходимости – все уже было решено осталось только произнести заклинание. Они взялись за руки, соединяя свои скудные магические силы в тихих словах, которые теперь бормотала Криста. Никто не мог гарантировать успеха: ведь и Богдан, и Эрик, и Криста продолжали оставаться всего лишь любителями!

Однако заклинания уже связывались в незримые узелки магических энергий. И то мистическое и жуткое нечто, что ждало их по ту сторону каменной двери, уже почуяло посягательство на тот барьер, которое было поставлено охранять. Оно рычало, словно бы предвкушая расправу над непрошеными гостями...

Криста говорила все громче и быстрее, голос ее уже сорвался на крик, а тело принялось содрогаться в колдовском экстазе. И вот, с последним криком из ее горла вырвался ослепительный голубой клубок – то, что можно было принять за стремительную шаровую молнию. Шар синего пламени рванулся к потолку тоннеля, отскочил от него, рассыпаясь искрами – и ударил точно в центр камня, преграждавшего туннель.

– А-а-а! – вырвалось из груди Кристи от избытка чувств.

– А-а-а! – вырвалось у Богдана – он просто кричал за ком-

панию, и немножко со страху.

Эрик лишь крепче сжал руку Кристи. И все приготовились к худшему. Чему именно? Никто этого, конечно, не знал. От магии вообще можно ожидать чего угодно!

Синее пламя, между тем, охватило камень, заструилось электрическими разрядами. То, что было за камнем, неистово заревело, так, что земля под ногами любителей заходила ходуном, а с потолка посыпались крошки бетона.

И камень не выдержал: мелкие трещины с громким хрустом разбежались по нему и...

Камень осыпался на пол горкой серого песка.

Любители отшатнулись, ожидая того, что могло вырваться им навстречу из глубины черной бездны. Но продолжением грохота и рева была лишь пронзительная тишина. И только после нескольких секунд напряженного ожидания любители неожиданно услышали жалобное:

– Мяу!

Любители переглянулись. И, не сговариваясь, направились вперед – по ту сторону разрушенного ими барьера.

Там, на пыльном полу, прикованный тонкой цепочкой к рельсу, весь дрожа, сидел маленький полосатый котенок.

– Вот это да! – произнес Богдан. – Вот, значит, кто это ревел. Вот, от кого я чуть штаны не обмочил!

– Это все камень, – предположил Эрик. – Есть тут такая порода – Страх и Отчаяние. Гномы знали, из чего эту затычку делать...

– У, ты мой маленький! – засюсюкала Криста, беря на руки маленький дрожащий комочек.

Комочек немедленно перестал дрожать и принялся активно урчать и втираться в доверие.

– Снова мы кого-то подбираем, – проворчал Богдан. – То собака к нам прибьется, то вот такое маленькое чудовище...

– Не бросать же его здесь, – пожалла плечами Криста, освобождая котенка от цепочки. – Теперь, когда заклятье охранных демонов снято, кто его будет кормить?

– Мы и будем, – решительно сказал Эрик. – Как назовем его, а?

– Чудовище! – заявил Богдан. – Теперь он всегда у меня будет ассоциироваться с этим ревом и седыми волосами, которые я по его милости заработал.

– Ну, пусть будет Чудовище, – ласково произнесла Криста, почесывая котенка за ухом. – Ты ведь не против?

Чудовище в ответ только лишь пискляво мяукнуло.

– Все это замечательно, – сказал Эрик. – И теперь нам осталась самая малость: добраться до другого конца этого тоннеля. Кто помнит диаметр планеты Земля?

Любители призадумались: задача предстояла нешуточная: добраться сквозь всю Землю до Волшебного полигона Нью-Йорк.

О том, что гномы прокопали такой тоннель, в Волшебной Москве прознали давно. Как известно, гномы затеяли это грандиозное предприятие исключительно с практиче-

ской точки зрения: их интересовала промышленная добыча специфической горной породы под названием Американская Мечта. Кроме того, Волшебный Нью-Йорк представлялся перспективным рынком для волшебной экономики Москвы. Ну и, наконец, это было единственное место за пределами московской Локализации, где гномы смогли бы осуществить выход на поверхность.

Однако же после успешного завершения своего предприятия гномы неожиданно для всех закрыли входы и выходы в этот длиннющий тоннель, а его местонахождение засекретили. О причинах такого решения гномы умалчивали. И даже подкуп тут не помогал: у гномов чрезвычайно сильно чувство корпоративной солидарности.

И постепенно интерес к заокеанскому, а точнее – заподземельному миру поутих. И не было бы его и у любителей.

Если бы молодой Магистр неожиданно для всех не придумал, наконец, окончательные Правила для волшебной Игры. Но это уже другая история.

– Здесь есть рельсы, – задумчиво произнес Эрик. – Значит, по ним что-то ездит.

– Или ездило когда-то давно, – скептически сказал Богдан. – Что же нам теперь – «по шпалам, опять по шпалам идти куда-то туда по привычке?»

И принялся насвистывать популярную некогда песенку.

И неожиданно, словно откликнувшись на его свист, в глубине тоннеля вспыхнули автомобильные фары! Взревел низ-

ким рокотом двигатель, и прямо к любителям подкатило самое натуральное такси: желтое, с со светящимся фонариком с надписью «Taxi» на крыше. Было это такси какое-то древнее, из середины двадцатого века и на вид – совершенно не московское...

– Эй, куда едем? – с легким акцентом спросило носатое лицо, высунувшееся из окошка.

– В Нью-Йорк... – машинально пробормотал Богдан.

– Ну, это понятно, – сказал таксист. – Тут в город только одна дорога. А куда именно?

– Мы пока не знаем, но по пути скажем! – решительно заявила Криста и подтолкнула приятелей к любезно распахнувшейся дверце.

Эрик с Богданом послушно полезли в машину. Вслед за ними на заднее сиденье запрыгнула и Криста.

– А чем расплачиваться-то будем? – тихо поинтересовался у Кристи Эрик. – Это же... Хм... Несколько тысяч километров...

Таксист, казалось, имел слух совы. И вставил:

– Это в ТОМ мире несколько тысяч. И если пешком – то за год не дойдете. А для Нью-Йоркского такси – двадцать минут по тоннелю...

– И часто у вас бывают пассажиры из Москвы? – с сомнением глядя на водителя, поинтересовалась Криста, пока тот разворачивал свою колымагу в тесном пространстве тоннеля.

Машина, тяжело охая, подпрыгивала на рельсах и шпалах, отчаянно болтались подвешенные к зеркалу четки, истошно чадил ароматизатор, и любителям стало даже интересно – как же это они будут ехать, пускай даже эти самые обещанные 20 минут?

– Не-а, – сказал водитель и вздохнул. – Вы первые. Семь лет тут уже стою, жду клиентов.

Богдан втянул голову в плечи и закатил глаза. В его голове принялся тикать счетчик такси – семь лет: «тик-так, тик-так»...

– Не расплатимся, – мрачно сказал он.

– Не беспокойтесь, – сказал таксист. – У нас не положено брать с клиентов деньги.

– А что же положено? – удивился Эрик.

– Желание, – мечтательно произнес таксист. – Я везу за желание...

– «Американка!» – удивленно хохотнул Богдан. – Это чего ж такого можно пожелать за семь лет по счетчику?

– Не беспокойтесь! – сказал таксист. – Ничего такого, что вызвало бы затруднение клиента. Кстати, меня Гриша зовут.

– Ну, да, типичное имя Нью-Йоркского таксиста, – сказал Эрик.

– Ага, – кивнул Гриша и дернул рычагом коробки передач. – А теперь держитесь!

Любители не очень-то поняли, что именно произошло, когда хрипло взревел двигатель, и их тела с силой вдавило

в мягкий диван. Машину сначала затрясло – они скакнули по шпалам – но затем их швырнуло на гладкую стену, и за окном, все ускоряясь, замелькали редкие тоннельные лампы. Мелькая все быстрее, они, наконец, слились в одну бледную полосу.

– Окна лучше не открывайте, – посоветовал таксист. – Музыку любите?

И, не дожидаясь ответа, врубил на полную мощность какую-то совершенно неистовую в своем ритме восточную музыку.

Любителям показалось, что они вдруг попали в какой-то совершенно сумасшедший сон. Плавный ход машины укачивал, музыка вышибала из головы все мысли, а ее громкость не позволяла общаться друг с другом. Конечно, жизнь в Волшебной Москве предполагала ежедневные сюрпризы, порою совершенно удивительные и необъяснимые.

Но сейчас чувствовалось, что друзья покидают ставший привычным волшебный мир, и перемещаются в другой. Столь же волшебный – и, все-таки, совершенно чужой мир...

Трудно, сказать, действительно ли этот полет продолжался обещанные двадцать минут. Для любителей это время показалось вечностью. Ничто не говорило о том, что странное такси насквозь прошивает Землю по еще более странному тоннелю. Это был просто переход – из одного мира в другой.

И когда музыка стала казаться уже не столь громкой, Кри-

ста решила заговорить с водителем, тем более, что тот казался человеком вполне словоохотливым.

– И как там у вас сейчас, в Нью-Йорке? – поинтересовалась она, поглаживая дремлющее на коленях Чудовище, словно старая жительница Манхеттена, надолго покинувшая родные улицы.

– Да так, – пожал плечами таксист. – С одной стороны, вроде, как прежде, а с другой...

Он поежился, словно ему стало неуютно от собственных воспоминаний. И сделал музыку чуть тише.

– Не знаю, как у вас, а у нас обещали, что вся эта чертовщина закончится только когда какой-то там Магистр придумает какие-то там Правила. The Rules, understand me?

– Вполне, можно и по-русски, – сказала Криста, – у вас прекрасно это получается...

Сказала, а сама подумала: выходит, у американцев нет своего Магистра? Неужто и жизнь Волшебного Нью-Йорка, а может, и других Волшебных полигонов, зависит от одного этого несмысленнша Темы?

Что подумали Богдан и Эрик, осталось загадкой: они мирно спали, убаюканные ритмичными звуками музыки и тяжелым переходом.

– А пока в нашем городе нет спокойствия и стабильности, – продолжал Гриша. – Мало того, что морские твари просто покоя не дают, как еще и все эти призраки...

– Какие призраки? – спросила Криста.

– «Близнецы», – вздохнул таксист. – Как только началась эта чертова Игра, так появились призраки небоскребов Торгового центра. И все мертвые из земли восстали. Представляете: каждый день для них становится последним, каждый день в небоскребы врезаются два призрачных самолета, и город наполняется ужасом!

– Да, – покачала головой Криста. – К такому привыкнуть непросто...

– Это все божья кара! – неожиданно заявил таксист и коснулся четок под зеркальцем заднего вида. – За все грехи нашего города. А еще эти мавры...

– Мавры? – переспросила Криста. – В смысле – негры?

Машина неожиданно вильнула, швырнув Кристу на дверцу. Таксист в испуге посмотрел на нее и сказал дрогнувшим голосом:

– Вы только так их не называйте. При ЭТОМ слове они превращаются в... злых джиннов!

– Как интересно! – искренне сказала Криста. – Хорошо, я буду называть негров афроамериканцами...

– Мавроамериканцами, – поправил Гриша. – У нас многое изменилось с начала Игры. Никаких негров – даже намеков. И главное, запомните, чего у нас следует опасаться больше всего!

– Очень интересно! – подалась вперед Криста. – Я сама хотела об этом спросить у вас...

– Ну, мавров – само собой, – сказал таксист. – Про при-

зраков я тоже рассказал уже. Есть еще мафия...

– Итальянская?

– Хм... – таксист замялся. – В общем-то, как бы да. Древнеримская.

– Чего?! – изумилась Криста.

– Мы сами в шоке, – признался таксист. – Только вот однажды утром все эти мафиози проснулись в римских тогах и сандалиях – как из голливудского фильма про этого, про гладиатора, видели? И жители пришли в ужас: полгорода оказалось римлянами! И знаете, где теперь заседает, хм, Нью-Йоркский профсоюзный Сенат?

– Ну, откуда ж я могу знать?

– В здании окружного суда! Все, как полагается – с колоннами, со статуями! А крестный цезарь – без ложной скромности снимает этаж в Эмпайр-Стейт-Билдинг! Вернее, берет арендой за покровительство над располагающимися там компаниями...

– Уютно у вас, как я посмотрю! – сказала Криста.

– Да уж... – пробурчал Гриша. – Хорошо, хоть Лукоморье пока независимо держится...

– Что еще за Лукоморье? – снова удивилась Криста.

– А, вы ж не в курсе... Ну, хоть про Брайтон-Бич слышали? Последний оплот русской культуры в Западном полушарии! Вот, этот оно, родимое, и есть...

Далеко впереди показалось пятнышко света. Точь-в-точь, как в рассказах людей, переживших кому. И Криста поче-

му-то подумала, что тоннель это ведет не куда-нибудь, а аккуратно «на тот свет». И, если задуматься, то, большому счету, так оно и было. Только вот задумываться было некогда.

Потому, что машина вдруг затормозила, и от отрицательной перегрузки любителей посетило ощущение тошноты.

– Таможня, – пояснил Гриша, и машина остановилась.

Точно напротив стойки со строгим человеком в форме.

– Я совсем не подумала об этом, – обеспокоилась Криста. – Мы даже загранпаспорта не подготовили...

– Ценности с собой есть? – скучающе произнес человек на чистом русском языке.

– Н-нет, вроде, – сказала Криста. – Нет у нас никаких ценностей...

– Да? – с сомнением произнес таможенник. – Даже моральных? Хм, мне говорили, что в Волшебной Москве с этим проблема, а я сомневался...

– Да вы что! – зашипел на Кристу таксист. – Если вы свои ценности контрабандой провезете – вас же посадить могут!

Богдан высунул голову в окно и выпалил хриплым спросонья голосом:

– Ум, честь и совесть – вот наши ценности!

– И дружба, – добавил Эрик.

– Так, – произнес таможенник и протянул таксисту пачку бумажных листков. – Пожалуйста, подробно задекларируйте...

– Что за декларировать? – удивилась Криста.

– Да ценности, ценности! – быстро сказал таксист и раздал любителям листки с надписью «Таможенная декларация».

– А «любовь» писать? – задумчиво произнесла Криста.

– Конечно, – сказал таможенник. – В каких количествах провозите любовь?

– А в каких разрешено? – поинтересовался Эрик.

– Только для личного потребления, – строго сказал таможенник. – Если любовь на продажу – придется платить пошлину...

– Нет, у нас только для личного! – заявил Богдан.

– Коммунистическую и иную скоропортящуюся и заразную идеологию не провозите? – с подозрением спросил у Богдана таможенник.

– Как можно! – возмутился Богдан. – Только буржуазную. В «Дьюти-фри» немножко прикупили...

Таможенник пододвинул к машине какое-то плоское корыто с густой белой жижей.

– Это еще зачем? – обмер Богдан.

– Это стандартная процедура для вашей же безопасности, – сказал таможенник. – Прошу вас опустить лицо в гипс для изготовления вашей посмертной маски...

– Посмертной? – переспросила Криста.

– Вы же, все-таки, прибыли на Тот Свет, – пояснил таможенник. – Так что, считайте, немножко умерли для прежнего, хе-хе... Шучу. Не отнимайте у меня время, гипс застывает!

– Котенка тоже макать? – поинтересовалась Криста.

– Вы с ума сошли! – возмутился таможенник. – Он ведь животное, а не какой-нибудь там иностранец! Будете его мучить – вас на электрический стул посадят!

– Так его, вроде, отменили? – сказал Эрик.

– Это за убийство отменили, – пояснил таможенник. – А за нарушение политкорректности возобновили!

...Друзья отплевывались и соскребали с лиц остатки гипса, а таможенник с видом скульптора придирчиво осматривал слепки.

– Как живые, – сказал, наконец, он. – Лучше всяких отпечатков пальцев! Итак – добро пожаловать в нашу гостеприимную страну, проклятые иностранцы! Надеюсь, вы не захотите у нас остаться и вовремя свалите из нашего светлого рая в свою вонючую и гнилую дыру!

Так закончились формальности, и перед такси взвился сверху полосатый шлагбаум.

Любители, несколько сбитые с толку таким приемом, хотели обменяться друг с другом первыми впечатлениями. Но тут же отказались от этой мысли.

Ведь машина уже вылетала из темных земных недр под лучащееся оптимизмом американское солнце.

Проделав довольно долгий пеший путь, Саша Шум неожиданно остановился, замерев с поднятой для шага ногой. Перед ним простиралась широкая и пустая трасса, ведущая напрямик под эстакаду МКАД. Казалось бы – бери, да и топай себе по гладкой дороге!

Но нет! У Саши были свои причины остановиться. И мысли его привычно полились вонне:

– Это очень странно – такая пустая дорога, – рассуждал Саша Шум. – Наверняка, это неспроста. Наверняка, кто-то что-то против меня задумал! Я даже знаю – кто! Это монстры с Тау! Вот сейчас я выйду на дорогу – а меня тут же грузовик – хрясь! – и раздавит в лепешку! Я все их задумки знаю! Меня не проведешь!

– Это ты верно мыслишь, – заметил Шум. – Мало ли, что там задумали эти пришельцы. Ты, главное, про бластер не забывай!

– Ага! – сказал Саша и снова натянул пакет на голову. – Теперь я в безопасности.

– Только не задохнись в своем скафандре! – посоветовал Шум.

Санитары стояли рядышком с Сашей, тупо таращась на дорогу. Им было, в сущности, все равно – раздавит или не раздавит их мифический грузовик. У них была одна задача:

защищать Кандидата. И даже не столько его самого, сколько окружающих от своего подопечного. Ведь теперь от него можно было ждать вообще, чего угодно!

Наверное, Саша стоял бы так, на одной ноге и с пакетом на голове, очень долго, убаюкиваемый накапливающимся под целлофаном углекислым газом, но в воздухе раздался звук, как от моторчика сказочного Карлсона в известном мультфильме. Звук быстро приближался, и вот, прямо перед Сашей с неба опустился очень колоритный персонаж – инспектор ГАИ с огромными стрекозиными крыльями, покрытый, словно оса, поперечными черно-белыми полосками.

Всего этого великолепия Саша шум не увидел, поскольку его мир ограничился пакетом. Однако услышал приветливое:

– Инспектор Горемыкин! Гражданин, проблемы?

Санитары несколько напряглись, готовясь к любым неожиданностям. Однако пациент повел себя вполне адекватно: он просто лихо сдвинул пакет на макушку и заговорил спокойным уверенным голосом:

– Проблемы – вещь относительная. Вообще, большинство проблем мы придумываем себе сами. По большому счету, проблем, как таковых не существует. И если каждый из нас поймет это и примет за правило, то проблемы постепенно исчезнут из нашей жизни, уступив место позитивным эмоциям. Я выступаю за беспроблемный взгляд на окружающую действительность. Голосу за меня, вы голосуете против всех

своих проблем!

Санитары дружно зааплодировали.

– Это ты о чем? – спросил Саша.

– Тихо! – прошипел Шум. – Я же тебе репутацию создать пытаюсь...

Инспектор слушал всю эту тираду с открытым ртом, будто неожиданно сам впал в транс от этой плавной и продуманной речи. Но быстро пришел в себя, откашлялся и произнес:

– Агитируете? Ну-ну...

– Я дорогу перейти боюсь, – вдруг совсем другим, жалобным голосом произнес Саша.

– А, это понятно, – сказал инспектор Горемыкин. – Сам иногда боюсь, с тех пор, как летать начал. Но вас, как одного из Кандидатов, мне велено сопровождать на спецмашине до самого метро!

– А к чему это – до метро? – пробасил Чип.

– Зачем нам в метро? – с неудовольствием пробасил Дейл. – А если у Кандидата приступ случится от замкнутого пространства?

– Кандидат, кандидат, – пробормотал Саша Шум. – О чем это они все говорят?

– Приступ – не приступ, но велено вас у метро посадить! – строго сказал инспектор Горемыкин. – Так принято у нас Игроков встречать...

– Теперь – про игроков каких-то говорят, – прокомментировал Саша, снова натягивая на голову пакет. – Понапри-

думывали тоже... Вокруг меня одни сумасшедшие...

Последние слова прозвучали под пакетом – глухо и таинственно.

Но санитары уже бережно сажали его в тихо подкативший огромный «бентли» с символикой патрульно-постовой службы. К сожалению, Саша Шум не мог по достоинству оценить роскошь данного экипажа. Он жил в несколько иной реальности, лишь отчасти соприкасавшейся с нашей. Тем не менее, он был рад помощи со стороны органов охраны правопорядка, и благодарно улыбнулся гаишнику.

– Добро пожаловать в Волшебную Москву! – козырнул Горемыкин и строго сказал санитарам:

– Вам к Архивариусу надо. Впрочем, в метро вы сами все поймете...

Он с улыбкой проводил взглядом удаляющуюся машину и произнес самому себе:

– Неужели все это, наконец, закончится? Ох, не верится что-то... С таким-то Кандидатом...

...Когда, уже стоя на эскалаторе, Саша Шум внезапно понял, что длинный ребристый язык затаскивает его прямо в пасть колоссальному подземному чудищу, он истошно завопил и бросился обратно – вверх по эскалатору.

Эскалатор, будто бы и ждал этого: он взревел и прибавил скорости – так, что как бы не старался Саша, он все равно продолжал спускаться вниз с прежней скоростью.

Санитары некоторое время гнались за пациентом, в котором оказалось неожиданно много свежих сил, пока, наконец, не схватили его. Схватили, впрочем, аккуратно и бережно. Тут же принялись извиняться перед Сашей, отряхивать его и заискивающе улыбаться.

Саша успокоился так же быстро, как и взволновался до этого.

– Все, все! – сказал он. – Я в порядке! Просто небольшой стресс. Никаких проблем! Какие проблемы могут быть у Кандидата? Кстати, я Кандидат чего? Медицинских наук, как Андрей Алексеевич?

Санитары лишь пожали плечами в ответ: они сами ничего не знали.

– Надо ехать к Архивариусу, – наставительно сказал Шум. – Он все и объяснит.

– Ну, так поедem скорее! – решительно сказал Саша.

И вдруг, оттолкнув расслабившихся санитаров, снова бросился по движущейся лестнице – на этот раз вниз.

Санитары догнали Сашу только на перроне станции. Тот сидел на скамеечке и задумчиво смотрел в стену, на которой были расписаны названия станций. Санитары проследили взгляд Саши и увидели вместо привычных названий станций полоски с какой-то арабской вязью.

– Э-э... – протянул Чип, неуверенно почесывая в затылке. – Ты понимаешь что-нибудь? Как же мы найдем нужную нам станцию?

– Я не знаю, какая это станция – нужная! – пробурчал Дейл. – Я даже не знаю, что мы вообще тут делаем...

– Мы – расслабляемся, – произнес Саша Шум, делая плавные движения руками. – Мы совершенно спокойны... У нас нет никаких проблем. Никаких...

В это время из глубины тоннеля донесся гудок, застучали стыками рельсы, и, весь в дыму и пару, на станцию вынырнул старинный паровоз, тянущий за собой состав из изящных золотистых вагонов.

– «Золотая стрела», – по складам прочитал на одном из вагонов Саша. – Красивое название...

Поезд остановился, и из ближайшего вагона на перрон важно вышел бородатый гном в форме проводника.

– Всем привет! – деловито сказал он. – Побыстрее заходим, не задерживаем состав!

Перед входом в вагон Саша Шум замялся. Слишком уж там, внутри, ему показалось темно, тесно и душно. А потому Саша немедленно принялся заговаривать проводнику зубы:

– Ну, как вы тут? Как работается? Какие проблемы?

Проводник удивленно посмотрел не Саша, шмыгнул носом и развел руками:

– Да, вроде, все хорошо... Бывает, конечно, что пассажиры проблемные попадают. Вроде вас, например...

– Вот! – важно поднял указательный палец Саша. – Мы везде ищем проблемы! И в людях тоже мы видим проблемы! А ведь назвать человека проблемой – проще простого!

Сказал, например: он псих ненормальный, в больницу его! И все – нет проблемы! И никто не думает о том, что человек – это никакая вовсе не проблема. Человек – это чрезвычайно, просто невероятно сложное, многогранное существо, которое требует особого подхода, тонкого и внимательного отношения, и ни в коем случае – грубости и насилия...

Слушая эту пафосную речь, придуманную Шумом и подогреваемую страхом Саши перед замкнутым пространством вагона, проводник мрачнел. Он не спорил, нет. Он думал о чем-то о своем. Наконец, он взял в руку висевший на шее серебристый свисток и дунул в него – коротко, но громко.

Сашину агитационную речь заглушил истошный рев. Санитары в ужасе прижались друг к другу. И тут некая невидима сила оторвала их от земли – и небрежно швырнула в тамбур вагона. Следом, прямо на санитаров, полетел и ошеломленный Саша Шум.

– Вот так, – сказал проводник, стоя в дверном проеме с красным флажком в руке. – Для Станционного смотрителя нет никаких проблем. И человек для него – это никакой не сложный многогранник, а просто пассажир. Сказано – на посадку, значит, на посадку. Поезд ждать не может! Все, отправляемся!

Несмотря на довольно сумбурную посадку в вагон, Саша Шум понял, что внутри здесь вовсе не так уж и страшно, как казалось снаружи. Возможно, все дело было в пси-

хологическом шоке, вызванном явлением невидимого и злого Станционного зрителя. А может, просто приятным и комфортным интерьером вагона.

Проводник оказался чрезвычайно вежливым и обходительным. Он сопровождал пассажиров до купе: Саше досталось отдельное, а санитаров он поместил в соседнем.

– Чаю не желаете? – вежливо предложил проводник.

– Ага, желаю, – тихо сказал Саша. – А мы куда едем?

– Это уж, кто куда, – загадочно ответил проводник. – «Золотая стрела» везет каждого Игрока к его собственной судьбе. Так, во всяком случае, мне кажется.

– Понятно, – сказал Саша

Проводник внимательно посмотрел на Сашу.

– Вы, наверное, самый понятливый из всех моих пассажиров, – сказал он. – Не задаете глупых вопросов, не дергаетесь. Только в вагон заходить, почему-то, не хотели.

– Просто я сумасшедший, – признался Саша Шум и поправил на голове свой красный пакет.

Проводник покачал головой:

– Это вы ТАМ сумасшедший. А здесь вы – Игрок, да еще и Кандидат в придачу... Ну, да ладно, вы сами все поймете. Сейчас чай принесу...

...Саша Шум задумчиво крутил чайники в стакане, мерно позвякивая ложечкой, и этот звук успокаивал его, так же, как и однообразный, но никогда не надоедающий перестук вагонных колес.

Этот перестук, наверное – самый приятный шум в мире: ведь ни под какой другой звук не спится так сладко – только под чуть тревожное, таинственное, полное надежд и ожиданий «тыдых-тыдых» железных колес и рельсов...

– Эй, землянин, сколько можно спать! – услышал Саша, и сердце его взволнованно забилося.

– Генерал-Директор! – воскликнул он и сел на своей полке, нервно комкая купейную простынь...

Нет, это была не полка – это был роскошный ложемент флагманского галактолета! Саша изумленно осмотрелся и понял, что сидит в сверкающей стали и стеклом капитанской рубке перед огромным экраном, за которым проползает совершенно беззащитная на фоне стальных орудий флагмана планета Земля...

– Приветствую тебя у себя на борту, Саша! – радушно сказал Генерал-Директор.

Выглядел он торжественно и роскошно: лазоревая с переливами парадная форма, развесистые золотые аксельбанты и мохнатые эполеты, сверкающие пуговицы и ордена, в гранях которых отражались звезды... Да, он выглядел именно так, каким являлся Саше в специальных секретных снах.

– Здравствуйте, – робко сказал Саша.

– Настало твое время, Игрок, – сдвинув брови, строго сказал Генерал-Директор. – Ты ведь знаешь, что здесь, в Волшебной Москве, идет серьезная политическая Игра.

Саша призадумался. И понял, что, пока он спал, кое-какие знания, все-таки запали ему в его болезненное сознание.

Волшебная Игра. Игра, которую придумали Маги, которых, в свою очередь, никто и никогда не видел, и которой не будет конца, пока некий Магистр не придумает для нее Правила...

– Игра... – повторил Саша. – Ага, знаю.

– Тебе выпала великая честь, Игрок, – сказал Генерал-Директор. – Защитить Землю...

– ...от злобных пришельцев с Тау! – подхватил Саша.

– Именно! – кивнул Генерал-Директор

– И что я для этого должен сделать? – спросил Саша.

– Ты должен выиграть выборы.

– Выборы?

Саша растерялся. Он имел очень смутное представление о политической жизни даже нормального общества. А тут – Волшебный город Москва, про который он толком ничего не знал, кроме обрывочных ощущений, подаренный коротким и беспокойным сном.

– А кого выбирают-то? – догадался, все-таки, спросить Саша.

– Узнаешь, – ответил Генерал-Директор и внимательно посмотрел на Сашу, словно желая удостовериться, понял ли тот смысл сказанного.

Саша Шум ничего не понял. И поделился своей озабоченностью по этому поводу с Генерал-Директором. Тот лишь

небрежно отмахнулся:

– Все подробности тебе расскажет наш резидент на Земле. Он живет там под псевдонимом Архивариус.

– А, а слышал про него! – обрадовался Саша.

– Только запомни, – Генерал-Директор предостерегающе поднял руку в белоснежной парадной перчатке. – Никому на этой планете нельзя доверять! Никому!

– Даже Архивариусу? – уточнил Саша.

– Ни единому человеку! – заявил Генерал-Директор. – Даже мне!

Саша Шум съежился от страха. Как раз в это время в рубку вошел стюард в белоснежной форме, но почему-то бородатый и ужасно похожий на проводника. Он сдержанно улыбнулся Саше и поставил прямо на пульт управления галактолетом исходящую паром чашку чая.

– Помни: не доверяй никому! – воскликнул Генерал-Директор.

В это время стюард выхватил из кармана пластиковый бластер и, оскалившись, направил его на Сашу. Генерал-Директор ловко выбил бластер из рук негодяя начищенным до блеска хромовым сапогом.

Струя плазмы ударила в экран. Саша испуганно вскинул руки и опрокинул стакан с чаем. Чай выплеснулся на пульт, который немедленно задымился и вспыхнул синим пламенем. Взволи сирены.

– Никому! – воскликнул Генерал-Директор и катапульти-

ровался.

Стюард задумчиво уставился в звездный квадрат, в который вылетел Генерал-Директор, а Саша почувствовал, как горячий чай с пульта струйкой течет ему на штаны.

И проснулся.

Стюард по-прежнему стоял в дверях. Только теперь он снова принял обличье проводника. Из опрокинутого стакана с подстаканником чай капал на Сашину полку.

– Все в порядке? – поинтересовался проводник?

– Ага! – соврал Саша.

Он больше не доверял этому проводнику-предателю.

– Ну, а раз все в порядке, то прошу на выход, – сказал проводник. – Скоро ваша станция...

Саша вышел в длинный коридор вагона, неловко отряхивая промокшие брюки и поправляя на голове пакет. Он уже свыкся с этим пакетом на голове: в нем он чувствовал себя гораздо комфортнее. Наверное потому, что целлофан хорошо защищает от вредного излучения насылаемого монстрами с Тау.

Двое прирученных монстров, а именно – санитаров-телохранителей, тоже выбрались из своего купе в коридор. Они затравленно оглядывались по сторонам, стараясь не смотреть друг другу в глаза: видимо, их тоже успели посетить странные сновидения.

Поезд со скрипом и шипением остановился. Проводник открыл дверь.

У выхода на перрон Сашу снова посетила боязнь – на этот раз уже открытого пространства.

– Позвать Станционного смотрителя? – любезно предложил проводник.

Саша вздрогнул, нервно помотал головой. После чего натянул пакет на голову и решительно шагнул вперед. Следом вышли санитары.

– Счастливого пути! – сказал проводник и помахал своим красным флажком.

Паровоз свистнул и запыхтел, набирая ход. «Золотая стрела» быстро втянулась в тоннель, как макаронина в голодный рот, оставив после себя лишь резкий запах паровозного дыма.

Саша остался наедине с санитарями. Пока те тупо рассматривали свисающие с потолка указатели, из второго тоннеля вынырнул совершенно обыкновенный состав метро. Саша Шум, в свою очередь, с интересом глядел на поезд. Двери его раскрылись, оттуда вышло несколько приземистых гномов и каких-то хмурых подозрительных личностей. И поезд, набирая ход, нырнул в жерло тоннеля.

Об этом можно было бы и не упоминать, но тут произошло нечто, что удивило даже летавшего на галактолетах Сашу: едва последний вагон скрылся в тоннеле, как из этого же тоннеля, с той стороны, куда умчался предыдущий, выскочил точно такой же, но **ВСТРЕЧНЫЙ** поезд!

– Как это? – пробормотал Саша Шум. – Его что же, на

изнанку вывернуло?

И, не долго думая, он направился к этому странному, идущему в обратном направлении, поезду.

Двери состава разъехались.

– Стой! – завопили опомнившиеся санитары. – Куда?! Нам же к Архивариусу!

Эти крики подействовали на Сашу самым противоположным образом: в нем включились привычные механизмы бегства. И он немедленно запрыгнул в вагон. Повернувшись к перрону, он с интересом наблюдал, как к нему, пыхтя и отдуваясь, приближаются санитары. Какова же было его радость, когда двери вагона захлопнулись, а толстые небритые лица преследователей смешно расползлись по стеклам!

И странный встречный поезд понес Кандидата навстречу новым приключениям.

Архивариус прекрасно понимал Тему: мальчишку слишком сильно угнетало понимание собственной исключительности, отличия от простых ребят, которые его окружали. Постоянная опека и защита маленького Магистра Правил обернулась совершенно неожиданной стороной: его протестом по отношению ко всем и вся.

Если поначалу родители пытались как-то бороться неожиданным бунтом сына, то, послушавшись мудрого Архивариуса, оставили Тему в покое, смирившись с естественным ходом вещей.

Они слишком хорошо знали мудрость Архива, а потому верили ему. Но еще больше верили старому опекуну их слишком уж быстро выросшего малыша.

Кому, как ни Архивариусу, было знать, что Магистр Правил – слишком самостоятельная фигура, даже, несмотря на юный возраст. И еще он верил, что Игра не даст мальчишке ни за что ни про что сгинуть в бурлящем котле Волшебного Полигона.

Во всяком случае, он очень хотел в это верить. Но беспокойство, поселившись в его душе однажды, уже не покидало его. Слишком уж резким был этот самый подростковый протест юного Магистра. И Архивариус очень боялся, как бы Тема незаметно для самого себе, не принял темную сто-

рону в борьбе множества противодействующих сил волшебной Игры.

Как какой-нибудь Аникен Скайвокер из старых добрых «Звездных войн».

...Вон он, стоит рядом со стариной Волкопом – грязный, оборванный, насупленный.

Все уже было в этом мире – и юные протесты, и ворчание старых. Все было, и все еще будет бесчисленное множество раз – что в так называемом «нормальном» мире, что в безумном мире Волшебной Москвы.

И все было бы ничего, если бы только этот малыш, на которого неведомые силы сделали серьезную ставку, не совершил очередного своего неожиданного поступка. На этот раз – очень и очень серьезного. И дело было вовсе не в драке с озверевшими хулиганами. О, если бы все дело было только в этом!

Архивариус откашлялся. Разговор предстоял серьезный.

– Тема, – сказал он. – Это правда?

– Правда, – с готовностью кивнул Тема. – Дрался. И крысиный яд пробовал. Виноват...

– Я не об этом, – сухо сказал Архивариус. – Правда, что ты... Составил Правила?

Тема вздрогнул:

– А откуда вы... А-а... Архивы...

Конечно же, Тема понимал, что рано или поздно Архив расскажет дяде Архи все, как оно есть. От Архивариуса Вол-

шебной Москвы нельзя утаить ни одного мало-мальски значимого события. И тем более – такого важного, как оглашение Правил Игры.

О, эти Правила! Сколько было споров, сколько приключений и погонь, сколько крови пролито из-за этих самых проклятых Правил! Тех самых Правил, по которым, наконец, будет окончательно сыграна и закончена многолетняя магическая Игра!

Это очень странно – но то, что Волшебная Москва – всего лишь полигон для проведения масштабной волшебной Игры – многими уже забыто. Игра просто стала жизнью. Странной, необыкновенной, но, все же, повседневностью. А в жизни, как известно, нет и не может быть строгих и ясных Правил.

– Ну, разве это Правила? – хмуро сказал Тема. – Я просто пошутил. Вообще-то это я хотел Мясорубщиков напугать. Я баллончиком на стене для них написал «Правила поведения»... Чтобы знали!

– Так и написал – «Правила»? – переспросил Архивариус.

– Ну, да... – нехотя ответил Тема.

Архивариус устал опустил в свое кресло-качалку.

Все-таки, как ни старались многочисленные опекуны-воспитатели, все произошло неожиданно. Как в той поговорке: «у семи нянек...» М-да...

И зачем только лучшие умы Университета бились над тонкостями формулировок того текста, который должен был однажды зачитать Магистр под контролем взрослых! Как ста-

рались сделать все так, чтобы темные силы не подкопались к недостаткам текста, не нашли лазеек для зла, чтобы Игра, наконец, завершилась к радости горожан, уставших за долгие годы от колдовства, мистики и грандиозных побоищ тьмы и света!

И вот, все пошло прахом. Ведь написанное пером не вырубишь топором – тоже справедливая мудрость! Хотя... Написанное ведь можно исправить.

– Так, Тема, пошли! – решительно произнес Архивариус. – Ты покажешь нам, где и что ты там написал. Баллончик у тебя с собой?

– Вот! – Тема похлопал себя по карману.

Волкоп, мгновенно сориентировавшись в ситуации, сказал прямо в воздух перед собой:

– Горемыкин! Микроавтобус, и машину сопровождения к Архивариусу!

– Да, да, слышали, – раздался искаженный помехами радиоголос. – Уже едем!

– Скорее! – взволнованно воскликнул Архивариус. – Может, еще успеем...

Колонна, состоящая из милицейского «бентли», сверкающего «мигалками» и всюю крякающего «крякалками», «газели» с номером под стеклом, выдающим в ней самую обыкновенную «маршрутку», и мотоцикла с Волкопом, остановилась у высокой кирпичной стены.

Было уже темно, и стена предстала в скудном, но достаточно раздражающем взгляде освещении автомобильных фар.

– Тот самый завод? – не столько спросил, сколько констатировал Волкоп, спешиваясь со своего стального коня. – Ага. А вот и надпись...

Надо сказать, что увидеть злосчастную надпись на этой стене было непросто: от взгляда на стенку просто рябило в глазах, и даже несколько кружилась голова. Вся она была покрыта причудливыми разноцветными граффити, многие из которых были вполне живые и подвижные – как татуировки Мясорубщиков, а некоторые даже выкрикивали неприличные слова и напевали модные мотивчики. Просто сделаны эти надписи были заговоренными, колдовскими красками.

И текст Темы, нанесенный поверх этих рисунков, словно перечеркивая их. Злобные морды хватались за буквы зубами, трясли цепкими лапами, царапали когтями, наваливались скопом и висели на них гроздьями.

Но таинственно светящиеся слова были, казалось, крепче самой стены, и ничто не могло их сдвинуть с места.

К стене приблизились Архивариус, Тема и сопровождавший колонну инспектор Горемыкин.

– Так, – произнес Архивариус, – что тут у нас?

И прочел:

Эй, вы все! Давайте играть по правилам!
Хватит запугивать и нападать из-за угла!
Хватить все решать силой!

Пусть главным здесь будет тот, кого выберут люди!

– Это оно и есть? – легкомысленно произнес подлетевший поближе инспектор Горемыкин. – Ну, и из-за чего весь сыр-бор? Это же просто какое-то обращение одного мальчишки к другим с просьбой играть в их детские игры по правилам... Мне кажется, что с юридической точки зрения здесь вообще не может идти речь о Правилах волшебной Игры...

– Еще как идет, инспектор, – строго сказал Волкоп. – Смотрите: обращение «эй, вы все» следует трактовать, как обращение ко всем людям и живым существам в принципе, а не каким-то там «мальчишкам». Слово «играть» из уст Магистра Правил без специальных уточнений трактуется только применительно к самой Игре, а не к каким-то детским шалостям. Ну. А дальше следуют собственно правила...

– «Пусть главным здесь будет тот, кого выберут люди...» – задумчиво проговорил Архивариус. – Что значит, главным?

– Главным в Волшебной Москве может быть только одно существо, – сказал кто-то.

Из темноты возникла фигура в черном балахоне, с накинутым на голову капюшоне, в провале которого не было видно лица.

– Доминатор? – пробормотал Архивариус.

– Теперь уже Арбитр, – бесстрастно ответила фигура, но в голосе ее послышалась скрытая усмешка. – Я обязан прокомментировать Правила...

– Вы имеете на это право, – несколько напряженно сказал

Волкоп.

Вряд ли кто-то из присутствующих испытывал удовольствие от этой встречи. Каждому довелось хлебнуть горя от встреч с бывшим главой Княжества Госбезопасность, ныне, по иронии Игры, ставшему ее Арбитром. Но у Игры свои законы, она не спрашивает тех, кто волею судеб оказался в нее вовлечен.

– Итак, – произнес Доминатор, он же Арбитр, – Уважаемый Волшебный Милиционер правильно истолковал первые положения Правил. Сами же Правила означают следующее: «Здесь» – значит, на территории Волшебного полигона Москва. «Выберут люди» – это означает выборы. Да, да, самые обыкновенные выборы, это же очевидно! Ну и, наконец, «главный». Думаю, никто не станет возражать, что Главным в Игре может быть только тот, кто ее, то есть, Игру, и начал. То есть, Маг. И если настоящие Маги так и не объявились до сих пор, то что мешает нам выбрать их самим?

Арбитр сделал паузу. Архивариусу даже показалось, что он тихо рассмеялся.

– Итак, по этим Правилам, созданным, наконец, Магистром Правил, для завершения Игры следует просто избрать Мага!

– Я ничего такого не имел в виду! – протестующее выкрикнул Тема. – Это вы все выдумали!

– Как беспристрастный Арбитр данной Игры, я ничего не выдумываю, – спокойно сказал Доминатор в обличье Арбит-

ра. – Вы сами все это написали, уважаемый Магистр. Надо думать, прежде, чем что-то писать...

Архивариус с ужасом представил себе – что же может произойти, если с этими самыми выборами Мага в Игру ворвется вся грязь и подлость, которая воплощена даже в обычной человеческой политике. А тут – волшебная Игра...

Архивариус лихорадочно затряс баллончиком с краской. Еще не поздно было все исправить!

– Тема! – решительно сказал Архивариус. – Возьми баллончик и сам, своей рукой зачеркни все написанное! Все – от первого и до последнего слова! Тогда все, написанное тобой, станет недействительным, и ты немедленно зачитаешь те правила, которые уже составили в Университете...

Тема послушно взял в руки баллончик с краской, встряхнул его и сделал шаг в сторону стены...

Бах! Хрусть! Хрясь!

Страшный гром сотряс воздух – и стена разлетелась тучами обломков! Все в ужасе отпрянули назад, а некоторые даже попадали на землю.

А над головами на длинном стальном тросе величественно и страшно проплыл огромный, облупленный, ржавый металлический шар.

В образовавшийся проем и пыльной тучи немедленно пролез толстый человек в строительной каске, яркой жилетке и огромных грязных рукавицах.

– Э, а вы чего здесь делаете? – испуганно спросил он. –

Вы там, это, все живы?!

– Что же вы наделали... – проговорил Архивариус поднимаясь на ноги.

– Да я делаю, что велено, – оправдывался человек. – Сказано – снести стену, вот я и сношу...

– Все по закону! – довольно наглым тоном сказал новый голос.

Он принадлежал элегантному черному костюму – просто костюму, без головы и рук, зато с портфелем и в сверкающих чистотой ботинках. Перед пустым рукавом костюма болтался блеклый листок со множеством печатей.

– Согласно судебного решения это здание принадлежит Консорциуму и подлежит реконструкции...

– Ну, да, именно сегодня, – криво усмехнулся Архивариус. – Впрочем, от Рейдеров ничего другого ждать и не следовало...

– А откуда у Консорциума информация про Правила? – с профессиональным интересом спросил Волкоп.

– Какие такие Правила? – костюм невинно пожал пустыми плечами. – Мы просто проводим реконструкцию. Вот, у меня полный портфель документов...

Архивариус перевел взгляд на Доминатора. Тот стоял в сторонке, сложив на груди руки в широких черных рукавах и, казалось, наслаждался ситуацией. А потом вдруг небрежно бросил:

– Впрочем, кто может помешать Магистру исправить

собственную ошибку? Конечно, нелегко повернуть время вспять...

Тема с открытым ртом уставился на Доминатора, словно ожидая продолжения.

Но Арбитр больше ничего не сказал. Он просто повернулся, сделал шаг в сторону и исчез – будто нырнул в пустоту.

– Тема, не слушай его! – сказал Архивариус. – Это злое существо не исправил даже работа Арбитром!

– А время вправду можно повернуть вспять? – тихо спросил Тема.

– Архивы не знают таких случаев, – уклончиво сказал Архивариус.

И вздохнул.

Некоторое время Архивариус, Волкоп, Тема и даже Инспектор Горемыкин молчали. Когда тишина стала уже совершенно гнетущей, Архивариус вдруг скрипуче рассмеялся и потрепал за волосы мрачного, как туча, Тему.

– Ну, что же, все-таки нет повода для уныния! – бодро сказал он. – По крайней мере, теперь у нас есть Правила!

– Каждый выход на поверхность чреват сюрпризом, – озабоченно сказал таксист, вцепившись в руль и всматриваясь в приближающееся пятно света. – Эта дыра блуждает по всему городу, так что никогда не знаешь, где выскочишь! Поэтому лучше держитесь! Эх!

...Волшебный Нью-Йорк встретил любителей ошеломляющим великолепием.

Едва вынырнув из тоннеля, удивительное такси понеслось по стремящейся к небу эстакаде, плавно огибающей гигантские дворцы, в которые, очевидно, Игра преобразила функциональную архитектуру знаменитых Нью-Йоркских небоскребов. Небо пестрило от снующих туда-сюда самолетов, вертолетов, дирижаблей и каких-то крылатых зубастых тварей. В глазах рябило от странного материала зданий, и только присмотревшись, любители поняли: все эти дворцы составлены сплошь из гигантских рекламных щитов.

Ознакомиться с содержанием рекламы на такой скорости было невозможно, и любители перевели взгляды в сторону океана. Эрик, Криста и Богдан повидали многое, но представшее зрелище было не для слабонервных.

– Мать моя женщина! – искренне признался Богдан.

И был прав: чуть подернутая дымкой, на торчащем из воды клочке суши стояла всем известная зеленоватая фигу-

ра... Нет, все было не так! Ведь фигуру эту было непросто узнать с первого взгляда.

Во-первых, как и многое в Волшебной Игре, фигура эта изрядно увеличилась в размерах. Говоря прямо – чудовищно увеличилась. А во-вторых, она двигалась!

То, что статуи в Игре зачастую оживают и начинают жить собственной жизнью, для любителей уже не было новостью. Чего стоили, хотя бы, неприкаянно бродящие по Волшебной Москве Рабочий и Колхозница.

Но вот играющая в бейсбол статуя Свободы...

Любители успели заметить, как статуя, занесла здоровенный факел за плечо, как обманчиво медленно повернулась фигура в складчатом зеленом хитоне... И тут что-то большое кувыркнулось в воздухе и раздался гулкий удар...

Статуя скрылась за очередным небоскребом, и до слуха любителей донесся лишь отчаянный, свистящий реактивных гул крупного летающего объекта.

– По чем это она колошматит? – пробормотал Богдан.

– По самолетам, – охотно пояснил таксист. – С некоторых пор невзлюбила она самолеты – вот и сбивает их, когда они слишком близко подлетают...

– Что, прямо с пассажирами? – обмерла Криста.

– Да, нет, – отмахнулся таксист. – Это одичавшие самолеты. У них в аэропорту Кеннеди птичий, то есть, этот... самолетный базар... Ну, так куда едем?

Любители переглянулись, словно бы этот вопрос застал их

врасплох. Конечно, у них был определенный план, но реальность их несколько ошарашила.

– А давайте – в это ваше Лукоморье, – сказал Богдан. – Мы по-английски не очень-то здорово говорим, а там найдем соотечественников, они нам помогут...

– Через Сказочный Бруклин я не поеду, хуже только Гарлемская Черная Дыра! – решительно заявил таксист. – А по-другому на Брайтон-бич не попадешь. Что касается языка – так в Волшебном Нью-Йорке этой проблемы вообще нет. Говори хоть на рыбьем языке – все равно все тебя прекрасно поймут. Такая уж тут атмосфера...

– Да? – с сомнением произнесла Криста. – Тогда высадите нас где-нибудь в центре.

– Вот, это другое дело, – сказал Гриша. – Как раз к Таймс-Сквер подъезжаем...

Такси заметно сбавило ход, и неспешно покатило в потоке машин. Все вдруг показалось довольно обычным – машины, потоки пешеходов. Но Богдан посмотрел на асфальт под колесами и с изумлением понял, что это не машины едут, это улица движется, словно гигантская конвейерная лента, увлекая за собой людей, машины, и, вроде бы даже, некоторые здания...

– А как мы с вами расплачиваться будем? – практически поинтересовался Эрик. – Желание – это такая штука...

– Не беспокойтесь! – бодро заявил таксист. – Я сам вас найду. Когда придет время. Кстати, Чудовище свое можете у

меня здесь оставить. При встрече заберете... Вот и приехали! Эх, здорово, что я вас, все-таки, дождался...

Друзья вылезли из машины и некоторое время привыкали к шумному людскому муравейнику.

Все-таки, Волшебная Москва выглядела на первый взгляд не столь наполненной жизнью как это знаменитое Большое Яблоко. Было в первопрестольной куда больше мрачной мистики, и куда меньше вот такого оптимизма на лицах жителей.

Впрочем, любители быстро узнали этот оптимизм, а вскоре и увидели под ногами знакомую цветную плитку: весь город стоял на хорошо известных любителям Черных землях, до предела насыщенных ядовитыми испарениями Успеха!

Такое можно было встретить и в Волшебной Москве – правда, не в столь чудовищной концентрации. А здесь даже устойчивых к злой магии любителей постепенно начинало трясти от предвкушения каких-то неожиданных подарков судьбы, неких смутных возможностей и дурманящего ощущения Успеха.

– Так, держим себя в руках! – на всякий случай сказала Криста, глядя на Богдана, который, глупо улыбаясь, любовался призрачными башнями-близнецами.

Впрочем, слишком уж долго держать себя в руках и беспристрастно оглядывать окрестности у любителей не вышло. Неожиданно, со всех сторон, словно хорошо подготовленная облава, на них бросились толпы неизвестно откуда взявших-

ся обезьян с бэджами «Пресса» на шкурах. Приматы были с головы до ног обвешаны звуко-видео-записывающей техникой, и любители на некоторое время ослепли от вспышек фотоаппаратов.

– Черт! – растерянно моргая, в сердцах воскликнул Богдан. – И как только они пронюхали...

Его голос потонул в шуме писклявых воплей:

– Как вы добрались? Вы действительно пересекли границу нелегально?

– Правда ли, что вы являетесь агентами Московской разведки?

– Как вы относитесь к проблеме мавроамериканцев?

– Правда ли, что вы живете втроем? Как вы относитесь к нетрадиционной магии и сказочным меньшинствам?

– Вы уже знаете, кто выиграет выборы?

Любители, разумеется, ничего не говорили в ответ – они были просто сбиты с толку и совершенно растеряны. А их уже аккуратно и настойчиво подталкивали в спину, пока не затащили в двери какого-то здания поблизости.

Когда любители пришли в себя, то обнаружили, что находятся в яркой, наполненной людьми студии. В глаза сразу же бросился знакомый логотип, который господствовал здесь надо всем:

MTV

Любителей усадили в крайне неудобные кресла футуристического дизайна, прицепили на грудь маленькие микрофоны, помахали перед лицами напудренными кисточками, направили в глаза яркие лампы.

Тут же грянула музыка, которую немедленно заглушил гром аплодисментов. Этот шум быстро сменился бодрым криком огромного рыжего, с благородной проседью и бабочкой на шее орангутанга, который, надо полагать, выполнял здесь роль ведущего:

– А вот и они – наши скандально известные гости из занесенного снегами и утоптанного медведями ледяного ада!

– Э, э! – запальчиво крикнул Богдан. – Чего это вы на нашу родину-матушку телегу катите?! Какие еще медведи? Что за ледяной ад?!

Но его не слышали ни ведущий, ни зрители. И орангутанг продолжал, все более и более распаляясь, даже начиная подпрыгивать на месте от избытка чувств:

– Нам с огромным трудом удалось уговорить этих троих нелегальных эмигрантов, счастливицков, улизнувших из своей мрачной преисподней, принять участие в нашем шоу, посвященным предстоящим выборам Мага! Итак, прошу вас, расскажите, как вам пришла в голову идея придти к нам за помощью?

Какая-то мартышка сбоку подняла большую табличку на шесте с яркой надписью «аплодисменты». Зрители, среагировали немедленно, огласив студию овациями.

Любители не знали, как относиться к происходящему: возмущаться ли, рассмеяться или же взять, да и подыграть ли этому странному ведущему?

Первой сориентировалась Криста. Она не стала спорить с аудиторией, а просто улыбнулась и спокойно заговорила:

– Всем привет! Раз уж мы здесь очутились, то хочу заявить, что я невероятно счастлива, что меня вместе друзьями пригласили на мой любимый канал MTV! По правде говоря, это была мечта всей моей жизни, и только ради этого следовало убраться из нашего снежного ада напрямиком в ваш солнечный рай...

– Ты чего несешь, родная? – пробормотал Богдан, но Криста его не слушала.

– Меня очень удивило, что вы оказались столь информированы относительно цели нашего визита... – продолжила Криста, но была немедленно прервана ведущим.

– Наши гости имели возможность оценить силу демократии и свободы слова в нашем городе! – хвастливо заявил орангутанг. – Действительно, у нас невозможно скрыть от общественности волнующие ее факты – газетчики все равно все разнюхают и раздуют до невообразимости, хе-хе-хе!

Мартышка немедленно взмахнула шестом с табличкой «Смех, рукоплескания». Аудитория заржала и захлопала.

– Итак, вы здесь в связи с выборами, – продолжил ведущий. – наших зрителей безумно интересуют два вопроса. Во-первых, почему выборы Мага проходят именно в Волшебной Москве? А во-вторых, почему при этом вы решили искать поддержки у наших избирателей?

– Ну, то, что выборы проходят у нас – это понятно, – сказала Криста. – Ведь Игра началась именно в Волшебной Москве. Ну, а к вам мы пришли вовсе не за голосами избирателей, а просто для того, чтобы добраться сюда первыми, чтобы оказаться здесь раньше темных сил...

– Простите, – прервал Криту ведущий, – вы употребляете неполиткорретное выражение... Нельзя говорить про какие бы то ни было силы – «темные». Вам пока это простиительно, как выходцам из дикого мира, но на будущее я бы посоветовал...

– А как у вас называют темные силы? – поинтересовался Эрик.

– Ну... – замялся ведущий. – У нас их вообще стараются никак не называть.

– Это еще почему? – спросил Богдан. – Надо же про них как-то говорить.

– А зачем про них говорить? – заерзал на своем стуле ведущий. – Давайте считать, что у нас все силы – светлые! Так всем будет приятнее! Особенно мавроамериканцам и шахтерам. Ведь когда вы говорите про тьму, они могут подумать, будто вы на них намекаете, и, чего доброго, обидятся. Ведь

правда, же, а?!

Мартышка подняла табличку «одобрительное „да-а-а!“
Зал послушно проблеял „Да, именно так!“

– Но ведь это вранье! – запальчиво возразил Богдан. –
Ведь темные силы действительно есть, есть зло, и добру
очень нелегко с ним бороться!

– Какая интересная беседа! – заявил орангутанг. – А мы
уходим на рекламу...

И зал погрузился в тишину.

– Вы действительно считаете, что про зло и про силы
тьмы говорить нельзя? – с любопытством спросил у ведуще-
го Эрик.

Орангутанг не ответил. Вместо этого он вдруг соскочил
с кресла и принялся совершенно по-обезьяньи, вприпрыжку
бегать по студии, оглашая ее бессвязными воплями. Он да-
же запрыгнул на кран с камерой, и, повиснув на одной длин-
нящей рыжей лапе, прокатился на нем по студии, чем вы-
звал уже более естественный смех зрителей. Под тяжестью
обезьяньей туши кран опустился, а орангутанг, оказавшись
в центре зала, бодро пробежался на четырех конечностях по
кругу и, вернувшись, запрыгнул обратно в свое кресло.

Всю эту картину любители наблюдали, как загипнотизи-
рованные, не в силах вымолвить ни слова. Пока не грянула
бодрая музыка, и орангутанг неожиданно не заявил в каме-
ру:

– А мы снова с вами, и у нас в студии гости из заснежен-

ного русского ада...

Его слова потонули в громе аплодисментов. Любители молча хлопали глазами. В голове у них была каша. Надо полагать, гречневая...

– Итак, вы говорите, что прибыли сюда не за голосами избирателей, – как ни в чем не бывало, сказал ведущий. – Тогда за чем же?

Любители помолчали, обмениваясь выразительными взглядами.

Конечно же, у них не было ни малейшего желания выкладывать собственные планы перед миллионной аудиторией чужого города. Но если говорить начистоту, планы эти провалились еще до начала осуществления. Непонятно, кто или что было тому виной. И не были ли замыслы любителей изначально обречены на провал, но все теперь казалось напрасным.

А потому Криста тяжело вздохнула и заговорила:

– Ну, ладно. Поговорим начистоту. Так уж случилось, что Магистр Правил эти самые Правила, наконец, придумал. Хороши они ли плохи, но победит в игре тот, кто будет избран Магом. Маги, как известно, и затеяли Игру, и они обладают всей полнотой могущества. Так что все, кто заинтересован в победе в Игре, будет участвовать в выборах...

– Свободные выборы – высшее достижение американской демократии! – провозгласил ведущий. – Мы рады, что это понимают даже в вашем дремучем медвежьем углу!

– Ну, да, – кивнула Криста, – мы все обожаем американскую демократию. Вы для нас – пример номер один, ага. Хм... О чем это я? Ах, да, выборы. Так вот, как вы не называйте силы тьмы, но они тоже будут бороться за победу в выборах. И уж точно – станут использовать самые грязные политические и колдовские технологии, про которые в вашей самой демократической стране в мире никто и никогда, конечно, не слышал...

– О, да, мы ничего даже не слышали о «грязном пиаре»! – вставил ведущий.

– Вот-вот, – усмехнулась Криста. – А мы слышали. И самое для нас неприятное заключается в следующем: тот, кто должен, по идее, следить за соблюдением Правил Игры и справедливости выборов, является у нас самым воплощением зла. Я говорю про нашего Арбитра...

– Какие у вас, все-таки, дикие места! – посетовал ведущий. – Я просто содрогаюсь, представляя себя на месте Кандидатов, за которых должны проголосовать голодные и дикие медведи...

– Дались вам эти медведи! – проворчал Богдан.

– Медведи у нас не имеют права голоса, – заметил Эрик.

– Вот видите! – горестно произнес ведущий. – Никакой демократии! Даже медведи в этой стране лишены элементарных прав человека!

Зрители по команде мартышки разочарованно загудели.

– Я, все же, закончу, – нахмурилась Криста, которую то-

же начало утомлять это нелепое ток-шоу. – Мы хотели найти в вашем городе того, кто мог бы стать Кандидатом от сил добра. Ведь, как известно, выходец из другого, противоположного нашему Волшебного полигона, не подконтролен нашему Арбитру. В смысле, Арбитр не сможет отслеживать каждый его шаг, а значит, наши шансы на успех были бы выше...

– Но теперь, поскольку наш секрет стал достоянием всех и каждого, мы от своего плана отказываемся, – подытожил Эрик.

– Вот так вот! – запальчиво добавил Богдан.

– Спасибо за содержательную беседу! – воскликнул орангутанг. – А я напоминаю, что у нас в гостях были знаменитые нелегальные эмигранты из ледяной империи зла. А сейчас – снова музыка...

Любители вышли на улицу. Они ощущали себя разбитыми, подавленными и невероятно уставшими. Прохожие деловито сновали взад и вперед со своими неизменными белоснежными улыбками на лицах – фирменной отметиной Черных земель Успеха. Казалось, все моментально потеряли интерес к пришельцам с другого конца Земли.

Но это только казалось.

Раздался необычный и совершенно неожиданный в шумной атмосфере Волшебного Нью-Йорка звук. Это был цокот копыт.

Глазам любителей предстало зрелище одновременно величественное и забавное: прямо перед ними остановился некий гибрид длиннющего лимузина и античной колесницы, запряженной добрым десятком лошадей.

– Что-то мне подсказывает, что нами заинтересовалась итальянская мафия, – произнес Богдан.

– Тогда уж – древнеримская, – уточнил Эрик.

Передняя дверца колесницы открылась и оттуда вылез рослый детина в форме самого натурального римского легионера. Он неспешно подошел к любителям, которые едва сдерживались, чтобы не рассмеяться: уж слишком вызывающе смотрелись под золотистым шлемом черные пластиковые очки и витой проводок наушника!

– Это вы, что ли, из Москвы? – поинтересовался легионер.

– Да, вроде того, – отозвался Эрик. – А что такое?

– С вами хочет побеседовать один очень влиятельный человек, – сказал легионер.

– А точнее? – сварливо поинтересовался Богдан.

– А точнее – крестный цезарь этого города, – зловещим голосом произнес легионер и кивнул в сторону колесницы-лимузина. – Сами сядете, или затолкнуть вас силой?

Уговаривать любителей не пришлось, и они гуськом полезли на заднее сиденье.

Внутри «в ноль» затонированного лимузина было темно, душно, пахло ладаном и прочими благовониями. Скучное освещение давали чадающие на стенках масляные светильни-

ки. Потолок лимузина поддерживали декоративные колонны, а внутренне убранство поражало совершенно безвкусной роскошью.

Когда глаза друзей привыкли к полумраку, они рассмотрели сидящего напротив полного человека в белой складчатой тоге, с золотым венком на круглой лысоватой голове. Выглядел он, как какой-нибудь недобитый Спартак патриций из старого голливудского «пеплума».

– Приветствую вас, о чужестранцы! – мягким голосом произнес человек. – Ну, что же, покалякаем о делах наших скорбных?

– Покалякаем... – растерянно произнес Богдан.

– Угощайтесь, – предложил крестный цезарь, указывая на низкий столик перед собой.

На столике, на большом серебряном блюде в грудe экзотических фруктов лежал задумчивый жареный поросенок. Из спины его торчал предательски воткнутый кинжал, а изо рта – «Сникерс».

– Кола, содовая? – любезно предложил хозяин поднимая огромную золотую чашу.

– Спасибо, – вежливо сказал Эрик. – Может, сразу перейдем к делу? Зачем вы хотели нас видеть?

– Какие нетерпеливые эти нынешние молодые люди! – посоветовал крестный цезарь, отрезая от бока поросенка изрядный кусок. – Разве так ведутся разговоры? Я предлагаю вам вначале закусить, испить вина... Кто знает, может, это по-

следняя возможность в жизни, хе-хе? Ну, а потом мы продолжим разговор в сближающей и расслабляющей обстановке терм...

Крестный цезарь довольно выразительно уставился на Крису. Та вспыхнула и сказала резко:

– И, все-таки, чего вы от нас хотите?

– Понимания, – проникновенно сказал хозяин, – всего лишь понимания интересов нашей империи в этом бурном и противоречивом мире...

– Вы хотите понимания, а вот нам ничего не понятно! – искренне заявил Богдан.

– Чего ж тут непонятного? – усмехнулся крестный цезарь, жуя поросенка и запивая его кока-колой из золотой чаши. – Когда речь идет о выборах, не интересоваться моим мнением, по крайней мере, невежливо. Все-таки, я не последний человек в этом городе. А значит – и во всем мире. Так что, давайте, поговорим о предстоящих выборах Мага...

Саша Шум, как ошпаренный, выскочил из вагона. Дело в том, что уснувший было Шум вдруг проснулся и визгливо прикрикнул на него: «А ну, выходи давай!»

И Саша вышел.

Нельзя сказать, что он был знатоком московского метрополитена. Но даже ему эта станция показалась странной. Хотя бы потому, что единственный выход с нее – широкая гранитная лестница – вела не вверх, как это полагается, а вниз. Некоторое время Саша стоял перед этой лестницей, пытаясь понять, что еще не так в представшей ему картине. Пока, наконец, не понял.

Лестница-то была на потолке! А изогнутый потолок, напротив, был под ногами, крутым желобом уходя в земные недра.

От вида этой архитектурной экзотики с Сашей приключился очередной приступ клаустрофобии. Неизвестно, сколько бы он стоял и мелко трясся перед этим строительным выкрутасам, но тут к перрону подкатил очередной поезд, из которого, пыхтя, выскочили ставшие уже родным гориллообразные санитары-телохранители.

С нечленораздельными возгласами они бросились к Саше, и тот, не долго думая, шагнул вперед.

Перед глазами все завертелось, закувыркалось, и Саша обнаружил себя стоящим на лестнице.

Его слегка подташнивало. Особенно от вида санитаров, вверх ногами стоящих на потолке.

– Как это? – удивился Саша.

– Как это? – не меньше удивились висящие вверх тормашками санитары.

Загудел и унесся по потолку поезд. Саша вдруг потерял интерес к чудесам гравитации, просто повернулся спиной к навязчивым опекунам и зашагал по ступенькам: с этой новой точки зрения лестница вела, как ей и полагалось, наверх.

Сзади раздалась ругань и удивленные вскрики, и следом за ними – топот двух пар ног: санитары тоже преодолели странный барьер между верхом и низом. Догнав Сашу, Чип и Дейл вдруг потеряли свой пыл погони: цель была достигнута, и общественность снова была ограждена от беспокойного Кандидата.

Теперь все трое могли просто наслаждаться прогулкой. И, по правде говоря, здесь было на что посмотреть.

Саша Шум никогда в Москве не бывал. Во всяком случае, не помнил об этом. И тем более, он никогда не видел московского Кремля. Разве что, на упаковке какой-то шоколадки. Здесь же главная достопримечательность бывшей столицы предстала перед ним в тишине и спокойствии громадного подземелья.

Как известно, в Волшебной Москве, по странной причуде

Игры, Кремль хитрым образом опрокинулся вверх тормашками, направив свои башни вниз, в землю, словно громадные корнеплоды, и выставив на поверхность здоровенный холм с фундаментами и бывшими подземельями – безумной мечтой археологов. Выдвигались разные версии причин столь странного переворота, среди которых главенствовала одна: Игра стремилась упрятать подальше тех, кто обитал в Кремле от беззащитных горожан.

Хотя злые языки и утверждали, мол, все не так: это власть, прослышав про Игру и испугавшись ответственности за все происходящие чудеса и ужасы, просто-напросто засунула голову в песок, как какой-нибудь трусливый страус.

Всего этого Саша Шум не знал, да и знать не мог. Политикой он интересовался мало. Единственным представителем власти, которого он знал и уважал, был Генерал-Директор, командующий галактическим флотом. Да и то, являлся он Саше, в основном, в периоды его неожиданных впадений в сумеречное состояние.

И теперь Саша просто смотрел, разинув рот, на скупое подсвеченное великолепие, упрятанное глубоко под землю от превратностей волшебной Игры. Рядом в каком-то восхищенном оцепенении застыли санитары.

Наверное, эта тройца еще долго стояла бы вот так и созерцала подземные красоты, но тут со стороны Боровицких ворот к ней неспешно подошел ничем не примечательный человек, однако же, в форме, которую сейчас можно увидеть

разве что в фильмах про сталинские репрессии.

– Сержант Трошкин, – козырнул человек в форме НКВД. – Пройдемте, вас уже ждут.

– Кто ждет? – спросил Саша Шум, послушно следуя за сержантом Трошкиным.

– Кто надо, – коротко и веско ответил сержант.

Сашу такой ответ успокоил. Примерно так же отвечал Андрей Алексеевич на любые вопросы, которые другого человека просто поставили бы в тупик. А ведь так оно и есть, пожалуй: ждет его именно тот, кто надо, и вряд ли тот, кому судьба Саши Шума безразлична.

Санитарам же этот ответ не очень понравился. Однако же на них сильное впечатление произвела форма. Видимо, в этом устаревшем фасоне было что-то мистически-страшное, как в серых балахонах инквизиции.

Сашу вместе с санитарями провели по каменным кремлевским мостовым, по иссиня-черному расчерченному белыми полосами асфальту, пока они не оказались перед небезызвестной Грановитой палатой. Здесь Трошкин неожиданно рухнул на колени и, обернувшись на Успенский собор, трижды истово перекрестился. Глядя на Трошкина, украдкой перекрестились санитары – на всякий случай.

Саша Шум, будучи агностиком и просто не в себе, креститься не стал, а лишь плотнее натянул на уши свой пакет.

– Пошли! – решительно сказал НКВДшник.

И все четверо поднялись по ступенькам в святая святых

российской власти.

Как и следовало ожидать, крутые своды Грановитой палаты начали давить на неустойчивую психику Саши. И еще меньше ему понравились сотни свечей, торчащих повсюду и душливый запах ладана. Дальняя половина зала была отгорожена несколькими рядами железных цепей, на которых гроздьями висели крестики и всевозможные амулеты.

Санитары переглянулись: им такие вещи были знакомы. Здесь явно присутствовала нечистая сила.

– А нам бы тоже... Оберег бы какой-нибудь, – неуверенно произнес Чип.

– Оберег? – задумчиво произнес Трошкин. – Ты говоришь про пистолет?

– Не, он про амулет или там крестик, – осторожно вставил Дейл.

– Не поможет, покачал головой Трошкин.

После чего вздохнул, встал на колени и принялся белым мелком очерчивать вокруг присутствующих корявый круг. Закончив это дело, он отряхнул руки и пожал плечами:

– Иногда помогает...

Только он это сказал, как резким порывом ледяного ветра задуло свечи. Палата погрузилась во мрак.

Санитары вскрикнули от неожиданности. Ноги у Саши подкосились, и он уселся прямо на пол, спрятав голову в верный пакет.

– Спокойно! – дрогнувшим голосом сказал Трошкин.

В руке его вспыхнул мощный армейский фонарь. Его он положил на пол, направив луч света вертикально вверх. В пыльном задымленном воздухе образовалась блеклая световая колонна.

И тут же заколебалась, словно насмехаясь над законами физики.

– Пришел... – пророкотал низкий, пробирающий до глубины души голос.

– Таблетку... – пробормотал Саша Шум. – Таблетку бы мне...

Санитары в ужасе озирались, и только крепкие руки сержанта Трошкина не давали им выскочить из магического круга.

– Зачем тебе таблетку, Игрок? – проговорил голос. – Нет, тебе нужно совсем другое...

– Что, что мне нужно? – плаксиво спросил Саша.

Голос тихо рассмеялся. Однако веселья в гнетущую мрачную атмосферу это не добавило.

– Власть, – сладостно произнес голос. – Тебе нужна власть – вот, что поможет тебе. Власть – она излечит тебя от любых болезней, от любых страхов. Потому что наделенного Властью никто не посмеет назвать больным или трусом...

Голос, казалось, бродил по кругу, словно пытаясь нашарить спрятавшихся в глубине круга людей. Как ведьма в гоголевском «Вие». Голос этот обволакивал, охлаждал не только душу, но и из тела норовил высосать тепло и силы.

Даже Трошкин, очевидно, привыкший к подобным вещам, нервничал. Что уж говорить про санитаров и несчастного Сашу!

– Кто вы? – из глубины пакета поинтересовался Саша.

– Я есть воплощение Власти, – несколько самодовольно проговорил голос. – Я тот, кого боятся и перед кем трепещут...

– А что же вы тогда здесь, за цепями сидите, если перед вами все трепещут? – неожиданно для самого, самым непосредственным тоном поинтересовался Саша.

Любопытство в нем иногда брало верх над здравым смыслом.

Голос взревел.

Стены заходили ходуном, волосы у присутствующих встали дыбом от ужаса, а незримый некто все бесновался, бился в какой-то бессильной истерике.

И вдруг утих.

– Да, ты прав, – прохрипел голос, – я сижу на цепи. И именно поэтому ты мне понадобился. Через тебя я хочу вернуть себе власть.

– Я ничего не понимаю! – захныкал Саша.

– Власть не требует понимания, – назидательно сказал голос. – Власть требует подчинения...

Металлически звякнув, что-то упало под ноги Саши.

– Возьми знак Власти, – приказал голос.

«Возьми, возьми, возьми!» – забормотал Шум в голове у

Саши.

– Для чего мне это? – проговорил Саша, поднимая с пола небольшой металлический предмет.

– Ты должен взять власть! – прохрипел голос. – Ты поможешь мне, я помогу тебе.

– Мне ничего не нужно! – робко сказал Саша.

– Нужно! – властно возразил голос.

«Нужно, нужно, нужно!» – настойчиво твердил Шум.

– Ты должен выиграть выборы и стать Магом, – сказал голос. – И ты излечишься от своей болезни...

– Я совершенно здоров! – запальчиво заявил Саша, и санитары на всякий случай положили руки ему на плечи.

– Ну, да... – рассмеялся голос. – Став Магом, ты излечишься, и начнешь творить свои магические дела. И первым делом ты освободишь меня.

– Как это? – непонимающе произнес Саша.

– Став Магом, ты поймешь как. Итак, это будет наш с тобой договор: ты становишься Магом, а взамен – освобождаешь меня. Идет?

– Я не знаю... – заплакал Саша. – Я даже не знаю, кто вы...

– Я... – произнес голос совсем другим тоном. – А ты подумай. Хорошенько подумай!

Саша подумал.

– Ты понял, кто я? – таинственно произнес голос.

– Генерал-Директор?! – воскликнул Саша и вскочил на ноги, стаскивая с головы пакет.

– Тс-с! Только никому не рассказывай!

– Конечно! Конечно же – никому! Ни единой живой душе!

– И неживой – тоже!

– Да! Да!

– Так мы договорились? По рукам?

– По рукам!

Саша ойкнул: он почувствовал в своей руке холод и странную тяжесть.

Чип откашлялся и негромко произнес:

– Я, конечно, не юрист, но вообще-то, договоры, заключенные недееспособным, считаются недействительными...

– А у него справка есть, – добавил Дейл.

– Только не в нашем ведомстве! – веско сказал НКВДшник. – У нас недееспособных нет. Есть только тунеладцы, прикидывающиеся недееспособными. А это уже статья...

В воздухе что-то громко хлопнуло – и свечи все, как одна, вспыхнули.

– Ну, вот, кажется обошлось, – не очень уверенно произнес Трошкин.

А Саша смотрел на предмет в своей руке. Это была старинная золотая монета с профилем бородатого человека в нелепой шапке, весьма похожего на черта. Человек косился на Сашу, и взгляд его не сулил ничего хорошего.

Игра принимала совершенно неожиданный оборот, и Архивариус находился в полнейшей растерянности.

Была нарушена привычная схема, когда за дело брались Игроки и принимались выяснять между собой отношения. Теперь же в Игру через эти странные выборы было втянуто практически все население Волшебной Москвы. Никакие нормальные человеческие законы в Игре толком не действовали, а потому процедура предстоящих выборов представлялась Архивариусу в весьма туманном и тревожном свете.

К тому же Архив намекал на участие в гонке за должность Мага могущественных сил с Того Света. И это обстоятельство совсем уж не вселяло оптимизма.

Конечно, Архивариус знал, что под Тем Светом Архив подразумевает вовсе не обиталище чертей, однако же, нечто близкое по духу.

То, что сегодня туда отправились Эрик, Богдан и Криста, могло, конечно, помочь прояснить ситуацию, но вряд ли было действительно серьезным шагом. Нужно было предпринимать какие-то действия, пока хитрые и слишком уж рационально мыслящие силы тьмы не объединились против разобщенных и довольно аморфных сил света...

Архивариус, конечно же, знал, что его роль в Волшебной Игре не может быть в должной мере активной. Кто он? Все-

го лишь хранитель Архива, толкователь разрозненных сведений, стекающихся на архивные полки. Действовать предстояло Игрокам – и только им.

Но что прикажете делать, когда Игрок под номером тринадцать оказался обыкновенным сумасшедшим, и не смог даже добраться до него, Архивариуса, для получения совета, а просто сгинул где-то в каменных джунглях Волшебного города Москва? И кто такие Игроки под номером одиннадцать и двенадцать, про которых Архив не может сказать ничего, кроме того, что они носят белые халаты?

И кто этот загадочный и страшный уже одними своим номером Игрок номер НОЛЬ?

Конечно, это всего лишь Игра, всего лишь Волшебная Игра, которая длится вот уже пятнадцать лет, и от которой зависит дальнейший путь, по которому пойдет человечество. Так, по крайней мере, говорили Маги. Маги, которых никто не видел. Или те, которых только предстоит выбрать? О, боже, от всего этого просто голова идет кругом!

Но даже не это вызывало беспокойство Архивариуса. В конце-концов, чему быть, того не миновать. Его волновало совсем другое.

То, что, сбежав из-под домашнего ареста, исправлять собственные ошибки отправился сам юный и взбалмошный Магистр Правил.

Тема катил на своем изрядно потрепанном скейтборде,

изредка отталкиваясь ногой от асфальта для придания ускорения. Хотя этого, по большому счету, не требовалось: доска была заговоренная, со врожденной привычкой к движению. Это был трофей, выигранный в одной из драк с разбитой в пух и прах бандой Сверчков. Те водились с лесными тварями, как и Мясорубщики, только были куда более дохлыми. Куда им против Крыс!

В ту памятную ночь Сверчков выбили из сквера, который те считали своим, и отобрали у них немало ценных вещей, вроде самодерущихся дубинок или вот таких досок из колдовского дерева. Дубинки Крысам были не нужны, а вот доски пришлись по душе...

Теперь же Теме было не до приятелей: на душе стало мурно от собственной глупости. И как бы он не смеялся над самим собой, не поплевывал свысока на все эти предрассудки взрослых, он, все же, был Магистром Правил. И от этого уже никуда не деться.

Пока не закончится Игра.

А пока, для начала Тема твердо решил: никогда и ничего он больше не будет писать! Никогда – до тех пор, пока не закончится Игра!

Как может закончиться Игра, и что случится после этого, Тема представлял себе крайне смутно. Его посещали лишь туманные предчувствия, которые навевали странную тоску. Ведь после Игры все будет совсем не так, все будет совсем по-другому. «Нормально» будет, как договорит иногда дядя

Архи. Дурацкое слово, которое совершенно ничего не объясняет!

...Тема гнал свою доску и думал, что, пожалуй, не потратит много времени на то, чтобы разобраться с этой ситуацией. Ведь у Темы были свои связи. Их вряд ли бы одобрили взрослые, но кто может указывать Магистру?

Было раннее утро. И дня не прошло с того момента, как Тема написал на стене эти дурацкие Правила.

Но теперь он с удивлением озирался по сторонам: с городом что-то происходило. Что-то непривычное. Город менял облик: множество расклейщиков бодро украшали стены домов плакатами с надписями «Все на выборы!», на огромных электронных экранах мелькали смутно знакомые лица, вперемишку с лозунгами, вроде «Голосуйте за своего Кандидата!»

Этих самых Кандидатов было несколько. Попадались и знакомые лица, но были также чужие и странные. Особенно удивило Тему перекошенное с нелепой гримасе лицо небритого человека с красным целлофановым пакетом на голове.

В Волшебной Москве новости разносятся мгновенно, и события происходят порой невообразимо быстро. Дядя Архи говорил про какие-то чудеса, что творятся здесь со временем, но Тема ничего из сказанного не понял. Да и зачем все это понимать, если можно просто воспринимать как данность?

Тема быстро потерял интерес ко всем этим Кандидатам.

Теперь он думал о предстоящей встрече.

Магистр волновался. Нет, он вовсе не был трусом. Более того, он уже доказал и себе, и другим, что совершенно не боится ни колдовской силы, ни кулаков Мясорубщиков. Но вот в предчувствии этой встречи он испытывал робость. Только подумав о ней, он покрывался каким-то болезненным потом, и в голове начинали путаться мысли.

И все из-за чего? Из-за какой-то девчонки!

Настроение у Темы постепенно портилось. Он был очень недоволен собой: ладно, если бы он переживал из-за красоты Леры из соседнего дома – так из-за нее все переживают. Говорят, она приворожила полрайона, а на остальную половину порчу навела. А тут – просто Светка, которую он чуть не с младенчества знает. Совершенно обыкновенная девчонка, даром, что ведьма...

«А может, в этом все и дело? – подумалось Теме. – Может, она тоже приворожила меня? Бабка-то у нее ведьма первоклассная, всему внуку научить могла...»

Но тут же он сам отмел все эти подозрения. Нет, Светка не могла на такое пойти. Даже после последней совершенно нелепой ссоры. Может... Может, он просто влюбился?

Тема громко, вслух фыркнул, отгоняя эти мысли.

Конечно, он бы ни за что не поехал бы сейчас к Светке. Только, вот, не находил он других вариантов. Все дело было в Светкиной бабушке. Ведь она была не просто ведьмой. Она была королевой ведьм, обитавших в Коломенской чаще.

И если кто мог помочь сейчас Теме то, только она. И то, что Тема решил обратиться за помощью к темным силам, не стоило знать никому. Потому что, узнай об этом дядя Архи – он бы расстроился. А узнай об этом Темины друзья – они ни за что не простили бы ему предательства, и никакие оправдания здесь бы не помогли. Потому что Крысы не принимают оправданий. Если Грызун хотя бы раз остутился – он уже не Грызун. Да и не друг уже...

Но все-таки Тема надеялся, на то, что ситуацию удастся исправить до того, как кто-то узнает о его замысле.

Тема взбежал по лестнице на второй этаж многоэтажки, в которой жила Светка. Считалось, что она живет там вместе с бабушкой. Но в действительности Карина Ильинична практически все время пропадала в своей таинственной Чаще, которая начиналась тут же, прямо за окнами. Ей не было дела до суетной и глупой городской жизни – ведь она видела живую силу трав и деревьев, как книгу читала колдовской язык лесных болот и темных озер, могла общаться с лесными духами и подчинять себе недобрых тварей, в изобилии живущих в Коломенской Чаще.

Впрочем, Светка уже с самого юного возраста была вполне себе самостоятельной. Когда-то, когда им с Темой было совсем мало лет, им довелось преодолеть вместе тяжелые испытания – и они с честью выбрались из самой запутанной и страшной истории. Тогда же в Теме впервые проявились задатки настоящего Магистра Правил. А, может, все дело бы-

ло в простом случае, который на тот раз оказался на стороне добра.

Ведь случаю, ему все равно, на чьей стороне оказываться. И обычно своим вниманием он всех одаривает поровну.

Ну, а потом, как это часто бывает, их со Светкой пути медленно, но верно, разошлись. Мать забрала Тему в свою разбойничью крепость – Университет, тогда же и отец объявился, которого Тема никогда до этого не знал. И все, вроде, должно было войти в счастливое русло, а победители в том давнем противостоянии добра и зла – зажить счастливой и беззаботной жизнью...

Только вот поселился в душе Темы какой-то бес, маленький злобный демон, что не давал ему жить спокойно. А может, во всем виновата та разбойничья обстановка, которая царила в стенах Университета.

Только вот родительской заботе и усердию многочисленных наставников маленький Магистр предпочел улицу. И Светку он стал видеть все реже: нельзя сказать, что она была слишком «правильной». Только для жизни в банде она тоже не была создана.

Светка вообще не любила шумных компаний. И не удивительно: такие компании у ведьм бывают разве что раз в год, на таинственном и жутком шабаше. Тема не знал, бывала ли Светка хоть раз на таком разнузданном сборище, но почему-то при одной мысли об этом Тему бросало в жар, и его начинала разъедать изнутри совершенно необъяснимая

ревность.

...Тема нажал на кнопку звонка, уныло повисшую на ветхом двужильном проводке, и стал дожидаться, разглядывая странную, увитую плюющим и покрытую мхом дверь. По одной этой двери можно было догадаться, что здесь обитают ведьмы. Или какие-нибудь лешие.

Он оглянулся назад.

За его спиной не было двери. Вместо нее там зиял пустой проем, через который было видно квартиру – пустую, мертвую, по полу которой ветер носил обрывки старых газет.

Да, недвижимость в Волшебной Москве теперь имела совершенно иную ценность. Вот, где, спрашивается эти жильцы? Может, волею Игры, отправлены в подземелья метро? Или же стали какими-нибудь лесными духами? А может, они так и продолжают жить в этой квартире – только теперь уже в виде каких-нибудь грустных бесплотных привидений...

Тема обернулся обратно и вздрогнул: в проеме бесшумно отрывшейся двери стояла и молча смотрела на него своими огромными зелеными глазами Светка.

«Ведьма...» – воплем пронеслось у него в голове.

Светка ничего не сказала, а только все так же тихо сделала шаг назад, пропуская Тему. Того тут же словно бы засосала вовнутрь темная прохлада этой квартиры.

Светка была в каком-то длинном зеленом платье, с венком из живых цветов на голове. Босиком.

– Привет! – сказал Тема, когда дверь за его спиной закрылась.

– Здравствуй, – тихо сказала Светка. – Беда какая приключилась?

– С чего это ты взяла? – нарочито бодро сказал Тема и небрежно похлопал ладонью по своей роликовой доске.

Но уже понял: эта девчонка мигом его раскусила. Он бы не удивился, если бы узнал, что она может читать его мусли. Хотя это вряд ли, конечно...

– Мяу! – явственно произнес тонкий голосок снизу.

О ноги Темы настойчиво терлась черная, как уголь, кошка. Странное дело: у нее были такие же зеленые, как и у Светки, глаза, и в них сверкали какие-то совсем уж колдовские искры...

Светка поманила Тему пальцем и, повернувшись, вошла в странный слоистый туман, что начинался от прихожей, скрывая внутренности всей остальной квартиры. Тема решительно шагнул следом, на всякий случай выставив перед собой руку, чтобы не налететь на какой-нибудь дверной косяк.

Только вот никаких дверей, да и стен здесь не наблюдалось. Лишь туман, да мягкий свет, струящийся отовсюду.

Воздух вдруг наполнился свежими тревожными запахами – запахами леса, болот. Идти стало мягко. Тема чуть наклонился и сквозь дымку увидел, что ноги его погрузились в глубокий мох. И тут же показалось нелепым, что он все еще держит в руках пестро раскрашенную роликовую доску...

И тут туман кончился. Вернее, нет, не так – туман отступил, заключив в плотное кольцо небольшую полянку... на берегу озера.

Тема узнал это место.

Когда-то, когда они были совсем детьми, они играли на этой полянке... Тогда Тема не знал еще, что он – не просто мальчишка, а Магистр Правил, что сверкающие камешки в его руке – это не просто камни, а фигурки Игроков, живых людей, которыми он, ни о чем не подозревая, играл, как какими-нибудь игрушечными солдатами...

Нет, это было так давно, что уже и не может быть правдой. И Светка, которая задумчиво сидит сейчас у темной воды, стала совсем другой – пугающей и... волнующей.

– Ничего у тебя квартирка! – отгоняя навязчивые мысли, насмешливо сказал Тема. – Кто ремонт-то делал?

Света посмотрела на него с прищуром и чуть заметно улыбнулась:

– Это не квартира. Это просто дверь в Чашу.

– Я так и понял, – кивнул Тема. – Только как-то неожиданно эта дверь возникла. Раньше все было не так...

– Раньше и я была маленькой, – сказала Светка.

– А теперь, значит, большая... – подытожил Тема.

Светка не ответила. И в разговоре возникла пауза. Она была бы неловкой, если бы не эта обволакивающая атмосфера живого леса. Здесь можно было молчать часами – и это нисколько бы не утомило. Надо было просто быть человеком

леса, знать лес и любить его...

Тема же был человеком города. А потому, присев у воды, рядом со Светкой, он выдержал эту самую паузу, после чего осторожно спросил:

– Ну, и как ты живешь?

Светка с удивлением посмотрела на Тему, словно бы тот задал уж очень бестактный вопрос. Наверное, так оно и было: разве можно спрашивать про жизнь у ведьмы? Что она может ответить тебе? Поделиться своими секретами, недоступными для понимания простого смертного, пусть даже Магистра?

Видимо, из-за простого непонимания они однажды и перестали общаться. Светка нырнула в свою Чашу, а Тема принялся отчаянно добиваться признания в своей первой банде...

– Так что у тебя за беда приключилась? – снова спросила Светка.

Тема вздохнул и безо всяких вступлений признался:

– Я придумал Правила. И записал их. Все – теперь у Игры есть Правила...

– Уже? – вскинула брови Светка. – И хорошие Правила?

– В том-то и дело, что никто не знает – хорошие они или нет! – горько сказал Тема. – Наши хотели придумать такие, чтобы у зла не было никаких шансов. А теперь, похоже, у темных сил даже будет преимущество...

– А темные силы – это мы? – невинно поинтересовалась

Светка.

Тема отвел глаза. Ведь он пришел за помощью к ведьме!

– В общем, дело такое, – быстро проговорил он. – В городе объявлены выборы Мага. То есть того, кто подведет итог самой Игре. Выборы – это стихия, и стихия злая. У светлых сил почти нет шансов на успех. Я просто хотел бы отменить эти Правила. Я знаю – твоя бабушка, Крина Ильинична, она может ненадолго повернуть время вспять. Я бы просто зачеркнул эти Правила, пока стенку не разрушили – и все...

– Я не очень хорошо понимаю, о чем ты говоришь, – пронзительно глядя на Тему, произнесла Света. – Только вот какое дело: бабушку мою уже сделали Кандидатом в Маги...

– Что?! – чуть не подпрыгнул на месте Тема.

– Ведьмы выдвинули, – пояснила Светка. – От Чащи.

– И когда ж вы только успели... – тоскливо произнес Тема. – Выходит, у меня никаких шансов...

Некоторое время они посидели молча, глядя на гладкую, как стекло воду. Странно, но в воде не отражались ни Светка, ни Тема. Зато там, в Зазеркалье, бродили по берегу тонкие женские фигурки в длинных прямых платьях – ведьмы, надо полагать. За время унылого молчанья Светка успела сплести еще один венок.

– Ладно, – сказала вдруг Светка. – Я постараюсь тебе помочь. Конечно, я многого не умею. Я вообще не ведьма толком, да и не знаю, стану ли ей когда-нибудь. Но вдруг у меня что-то получится?

– А как же... Карина Ильинична?

– Бабушка? Да я не думаю, что это так здорово – быть Кандидатом в Маги. Да и я не хочу, чтобы она себе нервы портила. В общем, постараемся что-то придумать.

И неожиданно Светка надела на Темину голову этот новый венок – с васильками и колдовской болотной травой...

Любители пребывали в крайне невеселом настроении. Все дело было в той неприятной истории, в которую они вляпались, едва только попали на Тот Свет.

При всей своей любезности крестный цезарь оказался человеком деловым и крайне циничным.

– Поймите меня, – говорил крестный цезарь, любуясь на свет игрой кока-колы в хрустальном бокале. – Не было еще случая, чтобы моя империя пропустила такое важное событие, как выборы. Конечно, сфера нашего влияния несколько сузилась: мы не можем теперь влиять на выборы президента – ведь он находится далеко за границами Периметра, окружившего наш город...

– Чего? – не поняла Криста.

– Локализация здесь так называется, – догадался Эрик.

– Именно, – кивнул крестный цезарь, – но как ни называй, факт остается фактом: выборы Мага – это самое важное политическое событие со времени Старта Игры. Но поскольку мы – не вполне легальная организация, то и прямо выдвинуть своего Кандидата мы тоже не можем. А потому нам нужны посредники...

– Мы не собираемся сотрудничать с мафией! – резко заявил Эрик.

– О, боги! – скривился крестный цезарь. – Кто же вас про-

сит сотрудничать с нами? Я просто хочу попросить вас передать необходимые документы в вашу избирательную комиссию. Ну, а уж там, как решат. Ведь не воевать же мне с вашим городом, верно?

Крестный цезарь тихо рассмеялся.

– Не повезем мы никаких документов, – сказал Богдан. – Никто еще не заставлял магов-любителей делать то, что они считают противоречащим их принципам и внутреннему убеждению...

– Ну, а если я скажу, что в противном случае вы вообще никогда не вернетесь домой и даже не выйдете из этого лимузина? – прищурился крестный цезарь.

– Похоже вы не оставляете нам выбора, – немедленно отозвался Богдан, будто только и ждал этой угрозы. – Давайте ваши документы.

– Тем более, что на нашей территории они в первую очередь попадут в руки Волшебного Милиционера, – добавила Криста, осуждающе посмотрев на Богдана.

– О, это пожалуйста! – воскликнул крестный цезарь. – Ничего противозаконного! Вот, передайте вашему Миллионеру! Шучу – я хотел сказать – Милиционеру!

И он протянул любителям небольшой серебристый чемоданчик. Богдан взял его в руки, потряс, понюхал.

– Легкий, – сказал он. – Хм. А вдруг там наркотики или бомба?

– И я передаю ее вашим органам правопорядка? – ухмыль-

нулся крестный цезарь. – За кого вы меня принимаете? Нью-Йоркская древнеримская мафия на весь мир славится своей законопослушностью и добропорядочностью! Мы и профсоюзы опекаем, и легкую промышленность, детские сады, понимаешь, строим, школы...

– Деньги отмываете на строительстве? – уточнил Эрик.

– Ну, мы за взаимовыгодное сотрудничество, – развел руками цезарь. – Древнеримская мафия всегда любила строительство. Вон, Колизей до сих пор стоит, хоть и взяли с него миллиард сестерциев отката. А какие дороги мы строили в Европе... Кстати, как она там?

– Кто? – переспросил Богдан.

– Европа. Ах, да... Вы же из Азии.

Богдан стал аж пунцовым от обиды и злости, но смолчал.

– Не будем спорить насчет географии, – решительно заявила Криста. – Чемоданчик мы сдадим в милицию, как и обещали. На этом, я думаю, мы наше знакомство и закончим.

– Как скажете, – развел руками крестный цезарь. – Только учтите: чемоданчик должен попасть в Волшебную Москву. Иначе мне придется убить вас – просто для поддержания собственного авторитета. У нас и там есть свои руки...

– Когда это вы успели? – с сомнением поинтересовался Эрик.

– Пока вы давали свое замечательное интервью, – охотно пояснил крестный цезарь. – «Весело и оперативно!» – вот девиз, начертанный на гербе нашей империи.

– А как он выглядит, ваш герб? – уже вылезая из лимузина, спросил Богдан.

– А вон он! – небрежно кивнул в сторону крестный цезарь. Дверца захлопнулась, и лошади неспешно утащили брошенный лимузин, свернув на какую-то авеню в тени дворцов-небоскребов. Богдан посмотрел туда, куда ему указал главный мафиози. Здесь, над известной закусочной броско светилась большая стилизованная буква «м».

– «М» – значит, «Макдоналдс»? – пробормотал Богдан.

– В данном случае, наверное, «мафия», – предположил Эрик. – Что с чемоданчиком делать будем?

– Выкинем его и сбежим! – заявил Богдан. – Еще не хватало – приказы мафии выполнять...

Богдан подошел к замеченному за углом неподалеку мусорному контейнеру, занес над ним руку с чемоданчиком и разжал пальцы.

– Оп-па... – недоуменно сказал он. – Вот это номер...

Чемоданчик повис на его руке, прикованный полицейскими наручниками.

– А мафиози-то здесь не промах! – заметила Криста. – Может, пожалуемся в полицию?

Друзья огляделись и заметили у обочины полицейскую машину. Бросился было к ней, но оттуда, с ухмылкой вдруг вылез знакомого вида легионер в темных очках.

– Даже не думайте, – сказал он. – Делайте, как договорились с Великим и непобедимым крестным цезарем, да про-

длят боги его дни. Иначе сгниете в федеральной тюрьме...

– Черт с ними! – буркнул Богдан. – Волкоп в две секунды эти браслеты снимет...

– Ладно, – с тяжелым сердцем сказала Криста. – Видимо, и вправду придется эту штуку домой тащить. Что ж, не нашли здесь нормального Кандидата, опозорились при миллионной аудитории – теперь можно и домой возвращаться...

– Осталось только найти такого же таксиста, как наш был, что за желание домой нас свозит, – сказал Эрик.

И тут же рядом скрипнули тормоза. Любители обернулись на звук и увидели знакомую желтую колымагу, а в окошке – улыбающееся лицо таксиста Гриши. Тот вылез из машины и крикнул:

– Ну, вот! Пришло время!

– Какое время? – пробормотал Богдан, бессмысленно возясь с наручниками.

– Время исполнять мое желание! – пояснил таксист. – Ведь вы, вроде, домой собрались? Вот! И я тоже хочу вернуться на историческую родину.

– Так, а кто же вам мешал без нас вернуться? – пожала плечами Криста.

– Законы физики, – пояснил таксист. – Понимаете, на Тот Свет попасть легко, но мало кто с него назад возвращается. В общем, там колдовской барьер на границе. Нас он отсюда не пускает. На вас, колдунов, вся надежда...

– Мы не колдуны, мы любители, – сказал Эрик.

– Это не важно, – отмахнулся таксист. – Это, в общем, мое желание. Ведь вы все равно как-то собираетесь возвращаться?

– Ну? – тупо сказал Богдан.

– Ну, так поехали! – воскликнул Гриша.

Путь домой любителям показался слишком долгим и чересчур тоскливым. Даже музыку на этот раз Гриша поставил совершенно душераздирающую, словно желая подыграть пассажирам в их настроении.

Богдан тщетно пытался отделаться от чемоданчика. Эрик задумчиво смотрел на мелькающие за окошком огни тоннеля. Криста шептала себе под нос что-то нечленораздельное – очевидно, какие-то заклинания – и поглаживала маленькое урчащее Чудовище...

Перед дверью в привычный мир такси притормозило. Таксист выглядел довольно озабоченным.

– Чего? Чего вы стали? – вздрогнул Богдан, отвлекаясь от ковыряния в замке наручников.

– Чую засаду, – проговорил таксист.

Криста закрыла глаза и протянула вперед руки.

– Да, – прошептала она. – Там есть кто-то...

– Ну, так придумайте что-нибудь, чтобы проехать можно было, – попросил таксист.

– Тогда колдуем Невидимость? – предложил Эрик.

– А что еще остается? – Криста пожала плечами.

Любители взялись за руки и нестройным хором проговорили заклинание.

– Вроде получилось... – неуверенно сказала Криста. – Езжайте быстрее, а то нас слишком много, и машина тяжелая – на такую массу маны может просто не хватить.

Всполошенные рассказом караульного, который в панике бежал со своего поста у Люка на Тот Свет, гномы направили в секретный тоннель свои самые мощные силы, основой которых стал бронепоезд под гордым именем «Врешь – не возьмешь!» На броневых листах его виднелись следы давних сражений, тщательно заваренные и любовно закрашенные.

Гномы были не особо сильными вояками, однако же, во всем ценили основательность и качество. А потому засаду на месте уничтоженной каменной пробки они подготовили серьезную.

Помимо бронепоезда было пригнано сюда множество гномов-резервистов, которые немедленно принялись возводить блокпосты из мешков с песком, комфортабельные вагоны-теплушки, штабной поезд и десяток полевых кухонь на дрезинах. Для того, чтобы разместить все это хозяйство, тоннель перед Люком был оперативно расширен, проложены дополнительные железнодорожные пути, проведено электричество для мощных прожекторов и вентиляторов.

Гномы были как раз очень заняты запуском резервного генератора электроэнергии и сборкой нар для гномов-карауль-

ных, а потому им было не до наблюдений за самим люком.

А потому никто не заметил, как в воздухе, словно сидя на невидимом стуле и нелепо держа перед собой «баранку» от руля, под странное тоскливое мяукание, пролетел с испуганным видом пролетел какой-то человек.

Просто на таксиста Гришу магической силы заклинания Невидимости как раз и не хватило.

Волкоп задумчиво разглядывал плоский блестящий чемоданчик, доставленный в Волшебную Москву с чужой территории. Ему легко удалось освободить Богдана от наручников, и теперь тот с наслаждением потирал натертое металлом запястье.

Чемоданчик лежал на капоте патрульной машины: на всякий случай странное послание римской мафии было решено увезти за МКАД – подальше от центра города.

Любители в ожидании смотрели то на Волкопа, то на чемоданчик. Им было интересно, к какому решению придет главный хранитель правопорядка в Волшебной Москве.

– Хм, – сказал, наконец, Волкоп. – Внутри нет ничего противозаконного. Это не наркотики, не взрывчатка, не деньги...

Любители сразу же поверили Волкопу: взгляд у того был поострее рентгена. Волкоп задумчиво прищурился и сказал: – Там что-то вроде пластика и резины...

Любители удивленно переглянулись.

– Странно, – сказала Криста. – И как это резина может быть связана с выборами.

– Мне все равно, – сказал Волкоп. – Но чемодан этот открывать не будем. А еще лучше...

Волкоп достал из кобуры свой знаменитый реализатор.

– ...отправим-ка его на сто первый километр!

– Правильное решение! – с облегчением произнес очень волновавшийся по поводу непонятной посылки инспектор Горемыкин.

Однако Волкоп ничего сделать не успел: внезапно защелки чемоданчика звонко щелкнули, и крышка его принялась подниматься под приятную мелодию – как из музыкальной шкатулки.

– Ложись! Бомба! – заорал Богдан и бросился в пыльную землю.

Никто, однако же, не последовал его примеру. И Богдан с удрученным видом поднялся на ноги, отряхиваясь и бормоча под нос какие-то ругательства.

Между тем чемоданчик раскрылся полностью. И тут же раздался хлопок и свист – как у сдувающегося воздушного шарика. Однако же ничего не сдувалось – напротив, словно спасательная резиновая лодка, из чемоданчика вывалилось и принялось раздуваться в объеме нечто бесформенное.

Бесформенное, впрочем, только поначалу: с неприятным звуком в сторону оттопырилась рука, потом нога, потом изнутри была выдавлена наружу голова, которая по мере наду-

вания обрела достойный и респектабельный вид некоего седовласого джентльмена.

Наконец, под короткий, довольно непривычный звук выскочили наружу и оформились нос и уши джентльмена, и шипение прекратилось. Вновь надутый человек легко и даже изящно поднялся на ноги.

– Здравствуйте! – улыбаясь неправдоподобно белозубой улыбкой, с легким акцентом произнес джентльмен. – Разрешите представиться: Кандидат в Маги от Волшебного полигона Нью-Йорк. Можете звать меня просто: мистер Мистер...

Часть вторая. У БУДУЩЕГО ДЛИННЫЕ РУКИ

1

«— Дорогие друзья! Не побоюсь этого слова – братья по Игре, Игре, которая сплотила нас, объединив против множества бед и лишений, что хлынули на наши счастливые некогда земли! Но время ли оглядываться назад, на тот, уже забытый нами, так называемый „нормальный“ мир? Многие скажут – зачем? Ведь мы можем спокойноненько жить и так, привыкнув к несуразностям волшебной Игры, забыв, что, по сути, все мы помещены в одно тесное гетто – за невидимой границей всего остального мира, как ни называй эту границу – Периметр ли, Локализация ли!

А что это значит, спрашиваю я себя? Это значит, что кто-то, не будем показывать пальцем, кто, посмел покуситься на одно из важнейших прав человека – право на свободу передвижения!...»

Уверенный, исполненный энергии и крайне убедительный голос плавно разливался меж стен, лаская слух точно выверенным тембром – словно приятная фоновая музыка в до-

рогом ресторане.

– Хорошо болтает, уверенно, – одобрительно сказал толстяк Большая Мама, сидевший прямо на полу впереди всех.

– Демагогия, – скривился обладатель длинных дредов Венник. – Он что угодно скажет в угоду избирателям...

– Ну, уж нет, у нас это не прокатит, – усмехнулся с головы до ног татуированный Крюгер. – Наш избиратель – особенный, ему совсем другого надо, а атаманша?

– Это точно, – машинально отозвалась Марина, погруженная в свои собственные мысли.

Разбойники сидели в большой лекционной аудитории, лениво пялясь в проецируемое на развернутый экран изображение. Изображение было стереоскопическими и проецировалось прямо из глаз подопытной крысы-мутанта, которую вывели в мрачных лабораториях биофака любопытные разбойники-экспериментаторы.

Крысы, как известно, и без того в Волшебной Москве были таковы, что своим видом вызывали оторопь и приступ страха, но разбойники-студизусы из Университета, что на диких и неприступных Воробьевых горах, своими изуверскими опытами создавали совсем уж невообразимых монстров.

Впрочем, сама крыса-проектор не вызывала у разбойников никакого удивления. Они следили за теледебатами, которые всюю уже шли по волшебному телевидению.

Кандидатов в Маги было немало. Неожиданно побороться

за этот пост вызвалось множество крупных фигур Волшебной Москвы. Оно и понятно: Маг обладает почти абсолютной властью в Игре – вплоть до ее, Игры, прекращения.

Вот здесь-то и возникла загвоздка: оказывается, далеко не все в Волшебной Москве желали, чтобы затянувшаяся Игра, наконец, закончилась, и все, наконец-то, вернулось на круги своя – в простой и понятный, обыденный и суетливый мир, мир, начисто лишенный магии!

Нет, многие, очень многие только в Игре ощутили, наконец, подлинный вкус к жизни, почувствовали острый, рафинированный, освобожденный от обыденных предрассудков вкус к Власти, Успеху, Наслаждению, Тайне...

Говорят, Игра задумывалась неведомыми Магами, как быстрая и четкая: несколько Игроков, один Арбитр, следящий за ходом игры, и один Магистр Правил, который придумает, как будет идти сама Игра и за что будут бороться Игроки.

Только вот из этой схемы ничего не вышло.

Игра споткнулась о своего первого же Магистра Правил, все пошло наперекосяк, засосав огромный мегаполис в пучину бесконечной возни добрых сил и не очень. Некоторых это противостояние давно уже начало утомлять, некоторые же, напротив, видели в Игре немало перспектив для собственного роста. И, напротив, с ужасом представляли себе окончание царствования колдовства и магии...

...Между тем, солидный, ухоженный и внушающий дове-

рие 87,9 процентам избирателей Волшебного Нью-Йорка седовласый Кандидат в Маги с далекого, но столь же волшебного Того Света, продолжал свою речь:

«— И это не единственное ущемление ваших, дорогие избиратели, прав, которое сулит нам продолжение Игры. А кто, скажите, спрашивал нашего разрешения на напяливание Линчин, которое произошло во время пресловутого Старта Игры? Согласен, не все из нас святые, люди вообще по природе своей не идеальны. Но почему одних без суда и следствия превратили в гномов и отправили на дно жизни — копать метро?! Другие же ни за что ни про что получили сверкающую форму и власть применять силу без санкции суда, прокурора и без предоставления адвоката обвиняемому!...

— Уважаемый мистер Мистер, вы нарушаете регламент, переходя на личности! — сказал ведущий, роль которого исполняла хмурая горилла в белой сорочке и при галстукке. — Не трогайте господина Волкопа, мы все его уважаем и любим...

— Вот! — воскликнул мистер Мистер, торжественно взмахнув рукой. — «Любим и уважаем!» Но скажите, при чем здесь закон?!

— Здесь вам не Тот Свет! — прорычали со стороны, и камера быстро переехала на здоровяка в рабочем комбинезоне и сверкающей золотом строительной каске, почему-то с помпезным острием на макушке. — Пусть в вашем Нью-Йор-

ке всем адвокаты заправляют, а по улицам мафиози разгуливают! А вот у меня под землей разговор короткий: если ты бандит и тунеядец – то мы даже уважаемого Волкопа вызывать не будем: просто замуруем в стену тоннеля, да и дело с концом...

На последних словах голос здоровяка заглушили бурные аплодисменты. Потому, что это был знаменитый Бригадир гномов: он тоже участвовал в дебатах. И, разумеется, претендовал на должность Мага.

Был Бригадир грубоват и несколько резковат в высказываниях, но этим только усиливал собственную популярность, особенно среди многочисленных сторонников «твердой руки».

Ведь, как известно, гномы в своем метро, хоть и пашут, как проклятые, зато взамен имеют стабильность, работу, сытный паек, а так же право... и дальше вкалывать, как проклятые! Может показаться удивительным, но многим такое положение вещей весьма импонировало.

– Слово передается уважаемому Бригадиру, – поспешно сказал ведущий.

– Вы тут много болтаете о каких-то правах, – насмешливо оглядывая собеседников, сказал Бригадир. – Но почему-то совсем забываете об обязанностях. А вот я считаю, что лица без регистрации обязаны покинуть Волшебную Москву! Я говорю про Черкизовскую Орду, кто не понял! И если никто не может этого сделать, то я сделаю это сам – как только

вы выберете меня Магом. И тогда все мы будем жить хорошо, припеваючи! Никто не будет работать больше пятнадцати часов в сутки, и все будут есть и пить от пуза! Это вам обещаю я, Бригадир, а не какой-нибудь надувной выскочка!

Под гром аплодисментов седовласый Кандидат протестующее завопил:

– Я не надувной! Это поклеп! Какие у вас доказательства? Да и если надувной даже, это еще не значит...

– Стоп, стоп, стоп! – поднял могучую лапу горилла-ведущий. – Прекратите полемику, у нас регламент...

Но мистер Мистер и Бригадир продолжали громко препираться, пока ведущий вдруг не издал истошный, страшный и совершенно звериный рев. Он залез с ногами на свою тумбу-трибуну и принялся колотить себя кулаками в грудь с грохотом оркестровых барабанов. Пасть его разверзлась, обнажая жуткие зубы и красные десны. На стекле камеры немедленно осели крупные брызги, объектив даже несколько запотел.

Кандидаты и зрители в некотором оцепенении замолчали. Ведущий слез с трибуны и невозмутимо произнес:

– Спасибо! Следующий Кандидат в Маги! Прошу вас, Карина Ильинична...

Изображение переключилось на юную, ослепительно красивую девушку в длинном платье, с венком из лесных цветов на голове. Не надо было долго смотреть на нее, чтобы признать в ней самую настоящую ведьму – из Коломенской

Чащи.

– Только прошу вас не смотреть в камеру, – поспешно добавил ведущий. – Иначе ваш взгляд могут счесть давлением на избирателей...

– И избирательниц! – томно выкрикнула из зрительного зала какая-то дамочка.

– Хорошо, – глубоким бархатистым голосом сказала Карина. – Я понимаю, что некоторые из избирателей боятся моей красоты и молодости...

– Это все колдовские штучки! – взвизгнула из-за своей стойки весьма полная дама, лицо которой украшало невероятное количество косметики (от возмущения с ее лица, словно снег, посыпалась пудра). – Избиратели знают, откуда у тебя эта красота! Тебе же далеко за семьдесят!»

Разбойники дружно расхохотались, хлопая друг друга по плечам и тыкая в бока локтями.

– А Степанида молодец! – усмехнулся Веник. – Столько энергии... Даже не знаю, что возьмет верх – красота или коммерческая хватка?

– И не только коммерческая, – заметил Крюгер. – Степанида снова во главе Орды!

– Все собирают силы, – задумчиво сказала Марина. – Ох, не нравятся мне эти выборы...

– Демократия – самая подлая форма правления. Но это лучшее, что у нас есть, – важно сказал Большая Мама. —

– Эй, ты, хватит умничать! – небрежно бросил Крюгер.

– Это не я сказал, это Черчилль, – обиделся толстяк. – Я не дословно, но близко к тексту...

– Дайте послушать! – скривился Веник и покосился на Марину.

Та по-прежнему прибывала в задумчивости. Да, ей не до выборов сейчас, когда ее собственный сын и устроил всю эту заварушку.

Все знали, как Марина любит своего непутевого Тему. И еще больше – как беспокоится за него. И ведь были основания...

«– Уважаемая Степанида, у вас будет слово! – примирительно сказал ведущий.

– Это уж точно, – усмехнулась Степанида, предводительница Черкизовской Орды... – Я-то своего не упущу, даже не надеюсь...»

– Надежда – это ведь то, что, в конце-концов, умирает? – лучезарно улыбнулась Карина.

– То, что умирает последним, – поправил ведущий.

– Вот-вот, умирает, – сладко повторила Карина. – Все вокруг стремится к своему концу, к разложению, смерти. И я, вроде бы, должна уже сгорбиться под тяжестью лет... Да, да, я не стесняюсь своего возраста. Но кто из вас, мои любимые избиратели, упрекнет меня в старости?

Карина обвела взглядом своих зеленых глаз замерший

зрительный зал. И там, куда падали таинственные невидимые лучи, струящиеся из-под ее ресниц, раздавалось восхищенное «ах!»

– Мы, жители Чащи, знаем тайны жизни и смерти, – продолжала Карина. – И мы можем всех, всех сделать бессмертными... И даже более того – вечно юными потрясающе красивыми...

В зале немедленно поднялся ропот: поднятая тема явно задела зрителей за живое. Особенно оживились пожилые и некрасивые женщины.

– Вранье! Ложь! – прошипела Степанида, сжимая мясистые кулаки.

– Вы передергиваете! – поправляя и без того идеально сидевший галстук, проговорил мистер Мистер. – Вы неверно формулируете...

– А черт его знает, все может быть... – пробормотал в стороне Бригадир, искоса поглядывая на Карину.

– Да, да! – возвысила голос Карина. – Мы, те, кого вы, нежно любимые нами избиратели, зовете ведьмами, можем сделать вас воистину счастливыми! Всех, всех до единого! И все мы сольемся в одно светлое человеческое братство, наслаждаясь юностью, здоровьем и многим другим, с чем я вами поделюсь, если вы проголосуе за меня...

Зрители, заливаясь счастливым детским смехом, истово хлопали в ладоши. И Карина смотрела на них, как на своих маленьких детей, которым она только что раздала новогод-

ние подарки...

– Так, так... – принохиваясь, сказал ведущий. – Карина Ильинична, я, конечно, понимаю, что вы следуете своим традициям, однако я бы попросил не распылять в студии ваше болотное зелье!

– Но ведь никто и не запрещал, – продолжая улыбаться, сказала Карина. – Простите, не буду больше...

– Вы эти ведьминские штучки бросьте! – рявкнула Степанида и грохнула по трибуне увесистым кулаком, да так, что на ее обширной груди хлестко подпрыгнули многоярусные бусы. – Я бы тоже могла много чего в студию притащить – у нас в Орде всякого дурмана навалом! Только вот не думаю, что это главное! Наша сила – в простых вещах, понятных каждому покупателю! Что? Да, именно, я хотела сказать – избирателю! Так вот, Игра эта всех уже достала! Конечно, многие тут развесили уши и думают, что ведьма сделает их счастливой – ха-ха! Насмешили! На то они и ведьмы, чтобы обманывать простых покупателей, то есть обывателей! Не будет вам в Игре никакого счастья! Обманут вас и ведьмы, и гномы, и надувные мафиози – высосут из вас жизненную Избирательную Силу, да и дело с концом! А потому я вам не обещаю ничего нереального. Вы взрослые здравомыслящие люди, а потому должны понять, что Игра не дает развиваться нашему рынку! Я не только про Орду говорю, а вообще! Посмотрите, какие цены – это же уму не постижимо! А гномы хотят выгнать нас – и тогда, без конкурентов, вообще

возьмут вас за горло! Но я говорю – не выйдет! Голосуйте за меня! У меня все просто: когда я стану Магом, мы прекратим Игру и проживем по-человечески! А чтобы вы мне поверили, я объявляю с сегодняшнего дня снижение цен на нашем рынке! Сразу – в два раза!

Зал взревел: видимо, Степанида ударила в самую точку.

Но тут раздалось насмешливое покашливание, переходящее в злое шипение. Зал немедленно прекратил бурное обсуждение услышанного, а камера выхватила молчавшего до этого пятого Кандидата.

Сначала было не очень понятно, кто это таков: за трибуной возвышалось что-то высокое и бесформенное, неопределенно грязного цвета. Но тут это что-то раздвинулось – и стало понятно, что Кандидат скрывался от аудитории за парой огромных кожистых крыльев – опаленных и изорванных.

Это был Генерал – единоличный начальник огромного и страшного Войска, того, что когда-то было призвано защищать Москву от всего мира или наоборот – весь мир от обезумевшей столицы, а теперь предоставленного самому себе.

Войско было олицетворением самой Игры – огромной уродливой личиной Войны и Смерти. Многие в Волшебной Москве благодарили высшие силы за то, что никто из многочисленных противоборствующих сторон так и не смог до сих пор перетянуть Войско на свою сторону. Хотя мудрые люди считали, что грубая мощь в Волшебной Игре вполне

уравновешивается хитростью, удачливостью и покровительством добрых сил.

Тем не менее, желание Войска втянуться в финальную стадию Игры в качестве самостоятельной силы у многих вызвало обеспокоенность. И, видимо, небезосновательно...

...Генерал высокомерно осмотрел присутствующих тяжелым взглядом своих желтых, с узкими вертикальными зрачками, глаз. Вид его был ужасен, но все-таки, уже довольно привычен для москвичей: никого особо не пугали уже ни когти, ни клыки, ни маленькие рожки на лысом костистом черепе, ни длинный раздвоенный, будто у змеи, язык. Боялись не вида Генерала, а его слов.

– И о чем вы здесь говорите? – с презрением произнес Генерал. – Что за ворохи вранья, что за бессмысленные обещания, что за пляски перед избирателями? Почему никто не хочет сказать им правду?

Кандидаты настороженно молчали. Генерал оскалился, и некоторым показалось, что из его полураскрытого рта потекло зловоние, отдающее серой.

– Э-э-э... – неуверенно произнес ведущий. – Поясните, пожалуйста, что вы имеете ввиду?

– Я-то поясню, – сказал Генерал. – Ведь не для кого не секрет, что Правила написаны не столько для всех здесь собравшихся, сколько для кое-кого другого...

– Кого же это? – пробурчал Бригадир, глядя на Генерала исподлобья.

– Для Игроков! – веско сказал Генерал. – Для них, и больше ни для кого! Мы можем сколько угодно рядиться в Маги, но пока на сторону кого-то из нас не станет Игрок, все эти выборы останутся профанацией...

– Все так, – спокойно сказала Карина. – Говорят, в городе уже появились новые Игроки. Только где они? Мы не обязаны ждать, пока эти самые Игроки не изъявят желания участвовать в выборах. В конце-концов. Правила ничего не говорят об этом...

– Верно! – неожиданно поддержала Крину Степанида. – В Правилах нет ни слова об Игроках. И если они не появятся...

В это время к ведущему подскочила какая-то шустрая мартышка и принялась что-то активно шептать ему на ухо, подпрыгивая на месте от нетерпения.

– Хм... – довольно озадаченно сказал ведущий, когда мартышка закончила шептать и попятилась прочь из телевизионной картинки. – У нас тут появилась информация... Мда... Появилась информация, что в выборах изъявил желание участвовать некий Независимый Кандидат...

Генерал негромко, но довольно неприятно рассмеялся.

– И кто же он? – поинтересовался мистер Мистер.

– Никто не знает, – пожал плечами ведущий.

– Как он хоть выглядит? – спросила Степанида.

– Никто не видел, – сокрушенно покачав головой, сказал ведущий.

– Он хоть появится в студии? – нетерпеливо спросил Бри-

гадир.

– Не знаю, – растерянно повторил ведущий и развел огромными лапами. – Он ничего не сообщил об этом. Он ведь Независимый Кандидат. То есть, совершенно независимый...»

– Независимый Кандидат?! Что это еще за птица? – удивленно воскликнул Веник.

Разбойники принялись шумно обсуждать услышанное.

Марина решительно поднялась с места. Разбойники немедленно приумолкли, уставившись на Марину. Даже крыса-проектор несколько приглушила звук.

– Я должна найти сына! – сказала Марина, глядя куда-то перед собой. – Чует сердце – что-то неладное творится...

– Давайте мы разведчиков разошлем! – предложил Крюгер.

– Это само собой, – кивнула Марина. – Пусть смотрят в оба: с этими выборами жди любой пакости от злых сил. Усиьте посты и будьте готовы к осаде!

– К осаде? – удивился Веник.

– Атаманша дело говорит! – сказал Крюгер. – Оборону усилить не мешало бы. Нюхом чую: кто-то решит попробовать нас на прочность...

Оглушительно взревело, и аудитория наполнилась запахом бензина: атаманша привычно оседлала своего боевого скакуна с японскими корнями. Марина защелкнула шлем и,

прощаясь, коротко махнула рукой в черной перчатке – совсем, как в юности.

Некоторые вещи со временем не меняются. И это здорово.

А между тем еще один Кандидат в Маги, он же Игрок под несчастливым тринадцатым номером, неспешно шел по улице в сопровождении санитаров.

Надо оговориться насчет «несчастливого числа»: Саша Шум не считал себя несчастным человеком. Это только со стороны кажется, что тот или иной индивидуум несчастлив. На самом же деле, дающий такую оценку, просто примеряет чужую жизнь к самому себе. Пожалуй, вряд ли стоит согласиться с оханьем сердобольной бабульки по поводу разорванных джинсов внуки. Потому что внучка не от бедности и убогости в рванье ходит, а с целью выставить напоказ упругие и загорелые кусочки тела.

Также и Саша Шум всегда сердился, когда его принимали за сумасшедшего. И почему? Только потому, что ему было открыто куда больше возможностей, чем людям обыкновенным!

Что с того, что он говорил на вдохе, пугая знакомых и незнакомых? Просто так было нужно Саше. А объяснять каждому встречному, почему да как – просто сил никаких не хватит. Вот также, по своей постоянной занятости своими, никому непонятными размышлениями, Саша тот и дело забывал о таких мелочах, как снять штаны, отправляясь по нужде, или рот закрыть, чтобы при задумчивости слюна из

него не капала...

Но разве это означало, что Саша Шум – несчастный человек? Отнюдь!

Хорошо, что эта волшебная Игра, наконец, расставила все на свои места, и Саша смог почувствовать себя в своей тарелке. Не в той тарелке, которой он двинул по уху Чипа, когда тот еще не был Чипом, а в той безумной тарелке, в которой пребывало все население Волшебной Москвы.

Здесь царило такое безумие, что назвать Сашу безумцем ни у кого не открылся бы рот.

Правда, с другой стороны, безумия-то никакого вовсе и не было.

Просто мир в Волшебной Москве на какое-то время стал... нормальным. Да, именно эта реальность, реальность магии, чудес – та, которой мысль и фантазия держат верх над материальной скукой – это и было подлинной реальностью.

Многие в Волшебной Москве давно узнали эту простую истину: нормальность «того», прошлого мира, мира, лежащего по ту сторону Локализации, весьма условна. Та «нормальность» была однажды создана искусственно – просто для того, чтобы оглушить человека обыденностью, затуманить его взгляд и заставить бездумно трудиться на благо неведомых хозяев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.